

ГИМ
159

Государственного художественно-исторического
краевого Музея в г. Воскресенске.
Вып. IV.

1924
М. О.
338
Р 159

Е. С. Радченко.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Предлагаемый обзор мелкой промышленности сельского населения Воскресенского уезда, составленный за юд. общественно-экономическим отделом Музея Е. С. Радченко, основывается в значительной своей части на материалах, полученных коллективным трудом сотрудников Воскресенского Уездного Статистического Бюро и научных сотрудников Государственного художеств. историч. краевого Музея в г. Воскресенске.

Обследование современного состояния промыслов происходило в течение июля—октября 1925 г., причем в основу его было положено задание Центр. Стат. Управления, дополненное по поручению Музея рядом вопросов и особой программой описания техники производства. Содействие в осуществлении намеченного плана было оказано Воскресенским Уездн. Исполнит. Комитетом и Московской Губ. Ассоциацией по изучению производительных сил, отпустившим некоторые средства на производство работ.

Осуществить издание настоящего труда удалось благодаря поддержке, оказанной музею Упростом и Уисполнкомом.

Хотя проделанная работа дала совершенно осязаемые результаты—описаны 13 промыслов, по 19 промыслам собраны и выставлены в Музее орудия производства и производственные коллекции, снабженные фотографиями и зарисовками; по докладу завед. Музеем о состоянии промыслов уезда Уисполнкомом принято решение оказать всемерное содействие поднятию промыслов в уезде,—несмотря на все это, работа по изучению промыслов уезда, конечно, не может считаться законченной. Целый ряд вопросов, особенно в плоскости

старный промысел и ремесло

в Воскресенском уезде
Московской губ.

1550220

ОТДЕЛ КУЛЬТУРЫ

Издание Государственного художественно-исторического краевого Музея,
г. Воскресенск.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

соотношения промысла и сельского хозяйства, влияния промысла на бытовой уклад населения, требуют еще длительного изучения. Совершенно неисследованным остается вопрос об отхожих промыслах нашего уезда, теснейшим образом связанных с промыслами местными. Таким образом, данная работа является лишь началом длительного исследования, продолжение которого Музей считает одной из своих очередных задач.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство, определяющее весь характер основного материала: обследование, произведенное в такой момент—после нескольких лет почти полного застоя кустарной промышленности, возрождающейся при совершенно новых политических и экономических условиях,—такое обследование улавливает отдельный момент, как один из этапов развития промысла, переходную стадию, а не прочно установившееся положение. Это заставляет быть очень осторожным в выводах, дабы не принять временное, преходящее за элементы нового оформленвшегося положения.

КУСТАРНЫЙ ПРОМЫСЛ И РЕМЕСЛО В ВОСКРЕСЕНСКОМ УЕЗДЕ.

Изучение кустарной промышленности края является исследовательской задачей, по существу своему требующей именно краеведческого подхода, т.к. в кустарных промыслах самой жизнью сочетаются вопросы экономики, истории, техники, этнографии и народного творчества.

Приходится, однако, констатировать, что краевед, поставивший себе задачу изучения промыслов Воскресенского уезда, как промыслов края, с первых же шагов убеждается, что собственно края, единого целого, перед ним нет, как нет, впрочем, этого единства и в других областях жизни уезда.

Промыслы Воскресенского уезда*), раскинутые неравномерной сетью по всей территории, составляют с одной стороны лишь части более широких кустарных районов, лежащих вне административных границ нашего уезда, частью же являются самостоятельными гнездами, об'единяемыми лишь самыми общими условиями хозяйственной жизни уезда.

Для примера укажем наших столяров—мебельщиков, расположющихся густым пятном в восточной части уезда (Еремеевская и часть Павловской вол.) и представляющих часть подмосковного столярно-мебельного района со старым центром в Лигачеве Московского уезда; токарей по дереву, держащихся в пределах Воскресенского уезда лишь в небольшой группе селений, пограничных с Звенигородским уездом, а на территории этого последнего образующих токарный район и т. д.**)—а в противовес им—наших горшечников, совершенно изолированным островком держащихся в 3 селениях Еремеевской волости.

Общая сеть промыслов в уезде характеризуется следующими цифрами: при 323 селениях в уезде с 14.259 хоз. и 76.198 жителями промыслы встречаются в 257 селениях,ими заняты 2.959 хоз. и 3.880 человек, или иначе говоря промысел ведется из каждых 100 селений в 80; из каждых 100 хозяйств в 20 и занято им из каждых 100 жителей — 5 человек.

*) Речь везде идет, как о чисто кустарных промыслах, так и о мелкой промышленности ремесленного характера—портных, сапожниках и т. п.

**) Металлоткачи на окраине Пятницкой волости—распространены в соседних волостях Клинского уезда; войлокчики в Лопотове знаменуют остатки бывшего района кожевенных заводов, охватывавшего Петровскую вол. Клинского уезда.

Сравнение с данными 1924 г.—когда промыслами было занято лишь 64 проц. селений, 10 проц. хоз. и 2 проц. лиц—обнаруживает быстрый рост кустарной промышленности по уезду; данные 1898 г.—этого, единственного материала, которым приходится пользоваться для характеристики „довоенного“ положения промыслов,—указывают, что местными промыслами было занято 85 проц. селений и 13 проц. жителей; и наконец, определяемое тем же обследованием 1898 г. место нашего уезда*) среди других уездов Московской губ., как четвертого, по числу занятых местными промыслами хозяйств и лиц,—все это дает нам основание считать местные промыслы одной из существенных составных частей хозяйственной жизни Воскресенского уезда. (см. т. № 1).

Попытаемся прежде всего определить, на какой почве вырастают и развиваются промыслы нашего уезда. Большое количество самых профессий (до 50), значительное разнообразие видов сырья и его источников, совершенно не позволяющее сделать обобщение, заставляет рассматривать вопрос о происхождении и развитии промысла не в плоскости промысла, как использования местных природных богатств, а в совершенно ином направлении—как необходимого источника дохода крестьянского хозяйства, на нем строящего значительную долю своего доходного бюджета. Действительно, изучение сельского хозяйства уезда обнаруживает следующую картину: невысокое земельное обеспечение—в среднем 2,9 десят. пашни на 1 хоз. или 0,54 на едока; низкий уровень сельскохозяйственной техники—встречается еще деревянный плуг, а кое-где и соха, употребляемая для окучивания картофеля; нерациональная система полеводства—на наших глазах еще только совершающийся переход от зерновых культур к травосеянию, причем 15 проц. селений еще остаются на трехпольи. Понятно, что обуславливаемая такими обстоятельствами низкая доходность сельского хозяйства и наличие свободных рабочих рук заставляют сельское население уезда искать себе подсобных заработков. Слабость местной фабричной промышленности, дающей занятие не более чем 1000 чел. из местного населения, приводит к тому, что заработка этот принимает форму или отхода за пределы уезда или кустарного производства на месте.

Близость Москвы, как рынка сбыта, является вторым основным условием, создающим благоприятную почву для развития промыслов. Действие указанных двух причин не одинаково на всем протяжении уезда, но именно параллельность повышения промысловости и снижения земельности убеждает нас в правильности высказанного положения.

*) Тогда Звенигородского.

По степени вовлечения населения в промыслы волости Воскресенского уезда располагаются в следующем порядке:

1. Пятницкая	с проц. занятых пром. хоз.	12 лиц	2,6	
2. Н.-Петровская	"	"	14 "	2,8
3. Мамошинская	"	"	14 "	3,1
4. Павловская	"	"	18 "	5
5. Никольская	"	"	20 "	5,2
6. Лучинская	"	"	26 "	6,1
7. Еремеевская	"	"	34,8 "	8,4

По обеспеченности же в среднем одного хозяйства пашней волости располагаются почти в обратном порядке:

1. Павловская	с колич. пашни на 1 хоз.	2,04 или на 1 едока	0,39 дес.	
2. Еремеевская	"	"	2,45 "	0,45 "
3. Пятницкая	"	"	3,11 "	0,59 "
4. Н.-Петровская	"	"	3,53 "	1,65 "
5. Никольская	"	"	3,54 "	0,67 "
6. Лучинская	"	"	4 "	0,51 "
7. Мамошинская	"	"	4,27 "	0,81 "

Другой ряд цифр подтверждает эту же мысль: в районе селений с промысловостью выше среднего—земельное обеспечение оказывается ниже среднего в 19 случаях из 100 и средним в 76 случаях, тогда как в противоположном районе—обеспечение пашней ниже уездного среднего лишь в 3 проц. селений, среднее в 67 проц. и выше среднего в 30 проц. Если сравнивать сельское хозяйство кустаря с хозяйством, его односельчан по обеспеченности его землей, то на 51 проц. оно характеризуется обеспечением ниже среднего по селению, 19 проц. средним и 30 проц. выше среднего (по селению).

В вопросах кустарной промышленности одним из сложнейших являлся всегда вопрос о соотношении промысла и сельского хозяйства, сочетающихся в одних руках. Вопрос этот для Воскресенского уезда не может считаться окончательно разрешенным, т.к. у нас нет законченных бюджетных обследований, но на основании произведенных наблюдений можно утверждать, что промысел возникает и крепнет не в бедняцких кругах, а в семьях с достаточно крепким хозяйством, из которого во вся-

ком случае на первое время, а затем и в моменты всякого рода кризисов, есть что уделить на поддержание промысла. Именно такое сочетание сельского хозяйства, недостаточно доходного, чтобы удовлетворить потребности семьи, недостаточно интенсивного, чтобы занять всю рабочую силу семьи, но вместе с тем и не настолько слабого, чтобы не суметь выделить некоторую долю на обзаведение инструментом и сырьем — именно такое сочетание является необходимым условием возникновения и развития промысла.

Особенно ярко проявляется указанное наблюдение на промыслах, требующих более сложного оборудования и крупных затрат на сырье (войлокники, слесаря, чулочницы).

Уже укрепившись, промысел начинает оказывать свое влияние на сельское хозяйство в сторону значительного уменьшения интереса к нему со стороны кустарей. Этим именно обясняется упорное трехполье некоторых селений с развитым промыслом (Бакеево, Селиваниха), это вскрывает и природу наших безлошадников, состоящих на половину из кустарей, в хозяйстве которых не выгодно держать лошадь, ибо центр хозяйственной деятельности с обработки земли перенесен в промысел. Среди кустарей уезда 18 проц. безлошадников, причем наивысший проц. безлошадников по уезду вообще падает на самую промысловую Еремеевскую волость.

В доказательство второй из указанных общих причин — близости Москвы, как рынка сбыта, — можно указать прежде всего на размещение сети кустарей, сгущающейся по направлению к Москве и железной дороге, затем тот факт, что из 50 промыслов существующих в уезде, 30 производят свои изделия на Московский рынок, причем их продукция, выраженная в денежной оценке составляет 85₆ проц. продукции всех кустарей уезда.

Москва, как рынок сбыта, прежде всего возникающим спросом на изделия вызывает к жизни промысел, падением спроса на изделия либо убивает промысел, либо заставляет его перейти на другой род изделий. Для примера приведу хотя бы наших металло-ткачей. С 1923 г. идет быстрый рост промысла; одна за другой избы Пятницкого района заполняются громоздкими станами, на которых ткачи из самых разнообразных сортов проволоки ткут металлическую сетку, требующуюся сейчас в большом количестве для технического оборудования текстильных фабрик, как необходимая часть многих сельско-хозяйственных машин и т. п.

А рядом — вымирающий золотошвейный промысел: нет спроса на шитые „золотянкой“ кресты и звезды для церковных облачений, и в районе, где еще недавно до 100 женщин были заняты их вышиванием, только на чердаках можно найти обломки пялец, да кое-где ребятишки играют катушками с остатками блестящих

золотых и серебряных нитей. В данном случае сказалась, конечно, известная неподвижность, неумение приспособиться к новым требованиям, потому что с той же техникой промысел мог перейти на другой род изделий, но страх перед новыми условиями, плохое знакомство с рынком и совершенная неорганизованность золотошвей призвели к тому, что оставшиеся без заработка они только тоскливо поминают „лучшее время“, когда магазины церковных облачений раздавали им заказы.

В промыслах более развитых и прочных изменение спроса, не убивая промысла, лишь видоизменяет характер изделий; так наши столяры-мебельщики, распадавшиеся в 1910—14 г. г. на ряд специальностей по выделке крупной мебели, резной, оставших гостинной мебели — кривья, после кризиса переходят в большинстве случаев на выделку табуретов и стульев; токаря, после катушек для размотки пряжи на фабриках, начинают делать деревянные пуговицы и застежки для солдатских сумок, а сейчас работают канцелярские ручки (большинство), аптекарскую посуду и шпули для чулочных машин (отдельные случаи). Временные затруднения в соответствующих отраслях фабричной промышленности сейчас же вызывают заполнение пробелов изделиями кустарей. Так, наши бочары, развившие свой промысел на выделке дубовых бочонков под вино „до монопольки“ и перейдя с распространением стеклянной винной посуды на осиновые бочонки под сельдь, особенно развивают промысел в моменты недостатка жестяной посуды.

Московский рынок с его изменчивыми требованиями заставляет кустаря постоянно прислушиваться к его запросам и считаться с конкуренцией фабрики. Даже промыслы, работающие на местный рынок и обладающие большей устойчивостью не свободны от этого влияния. Так, например. Максимовские горшечники, не прекращавшие производства ни на один момент в период революции именно потому, что это производство от начала до конца местное (местное сырье, самодельное оборудование и свой, местный, покупатель), испытывают все же влияние Московского рынка и вынуждены под давлением конкуренции фабричной посуды, в погоне за удешевлением своих изделий, отказаться от затейливых орнаментированных кувшинов, цветочных банок, и перейти к простой гладкой кринке и миске. Зависимость наших кустарей от московского рынка сказывается тем более, что целый ряд промыслов работает на Московском сырье (войлокники, слесаря, чулочницы, лакировщики, отчасти столяры, все производства ремесленного типа: сапожники и т. п.)

В вопросах рынка больнее всего сказывается неорганизованность наших кустарей: распыленные одиночки иногда месяцами буквально „рыщут“ по Москве в поисках нужного сырья или переплачивают за него перекупщику, сидят без заказов,

чтобы потом, наткнувшись на покупателя, работать по 14-16 часов в сутки. Только 23 проц. всех кустарей уезда кооперированы, причем из них только 15 проц. входят в Московские об'единения кустарей.

После указания на эти общие условия развития местных промыслов нашего уезда, я должна перейти к описанию отдельных из них, потому что только в индивидуальном описании могут выявиться характерные черты в их жизненном сочетании.

Все промыслы нашего уезда с точки зрения производственной разбиваются на 6 групп:

I	по обработке дерева.
II	" " металла.
III	" " глины.
IV	" " кожи.
V	" " волокнистых веществ.
VI	" производству предм. одежды и обуви.
VII	" " прочие. (См. таб. № 2).

Удельный вес каждой из групп так же, как и отдельных промыслов внутри их, различен в зависимости от того, с точки зрения какого вопроса подойти к промыслу.

По вовлечению населения в промысел в настоящий момент главнейшие промыслы следуют в таком порядке:

Всего занято	На 1.000 жителей занято
лиц:	лиц:

Столярный . . .	974	14
Башмачный . . .	435	6
Сапожный . . .	40	5.
Кузнецкий . . .	234	3
Чулочный . . .	267	3
Портновский . . .	207	3
Глотовский . . .	154	2
Слесарный . . .	154	2
Войлочный . . .	82	1
Лакировочный . . .	81	1

(см. таб. № 3).

В зависимости от источников сырья, потребляемого промыслом, все они могут быть разбиты на две группы:

I. Промыслы, потребляющие местное сырье:

Гончарный.
Боcharный.
Бондарный.
Токарный.
Овчинный.

II. Промыслы, потребляющие сырье привозное:

Слесарный.
Кузнецкий.
Лакировочный.
Портновский.
Сапожный.
Башмачный.
Металлоткацкий.
Столярный.
Войлочный.
Трикотажный.

При этом три последних из перечисленных промыслов могут служить примером того, как промысел, возникший на местном сырье, по мере своего развития переходит на сырье привозное. Эти три промысла, вместе с использующими сейчас местное сырье, составляют как раз группу промыслов старых—по определению населения ведущихся „истории“ и во всяком случае не менее 100—150 лет. Это обстоятельство лишний раз подтверждает мысль, что сильно затмленное в современном хозяйственном развитии влияние природных условий совершенно явно выступало еще полтора века тому назад, направляя человеческий труд на использование местных природных богатств.

Столярно-мебельный промысел.

Столярно мебельный промысел в нашем уезде является самым распространенным—26% всех хозяйств и 25% всех лиц, занятых промыслами, составляют столяры—мебельщики; самым организованным—наиболее крупные, старые артели—артели мебельщиков; имеет значительное прошлое и переживает сейчас полосу заметного подъема, хотя и не достигает еще довоенного положения. Как уже упоминалось, столярно-мебельный промысел Воскресенского уезда составляет часть подмосковного мебельного района со старым центром в Лигачеве. Напомним известную историческую справку исследователя А. А. Исаева, изучавшего столярный промысел в 1875 г. по поручению Московского Комитета о Ссудо-сберегательных и промышленных товариществах.

Возникновение столярного промысла относится Исаевым ко второй половине XVIII века. В формировании промысла он видит постепенный процесс перехода от простых изделий из местного сырья—долбленая посуда, табурет, березовый прямой стул,— к более сложным, требующим привозного материала.

На развитие промысла непосредственное влияние оказывал спрос, пред'являемый Москвой. Понятно отсюда, что моментами под'ема промысла являются такие годы, как следующие за 1812, когда Москва, спешно застраиваясь после разорения, поглощала всю продукцию кустарей—мебельщиков. Наоборот, упадок промысла вызвал тяжелый 1830 год, когда из-за холеры был установлен карантин и в'езд в Москву был запрещен. Начало изготовления дорогих сортов мебели связывается с именем Лигачевского крестьянина Петра Семеновича Зенина. Отданный помещиком в учение в Юрлово Зенин выходит оттуда в 1815-16 году искусственным мастером и вскоре открывает свою мастерскую. Основными этапами развития столярного промысла нужно считать: появление в Лигачеве Московских мастеров-мебельщиков, завезенных в 1833 году Саврасовским крестьянином Степановым, но вскоре перешедших к Зениным; переход к выработке гостиной мебели, а вместе с тем и необходимость в привозном сырье; установление братьями Зениными в 1845 году собственного пильного завода для распилки красного дерева на фанеру; наконец с 1855 года оптовая закупка привозных сортов дерева на нижегородской ярмарке. Интересно отметить, что в развитии мастерской братьев Зениных повидимому положительную роль играл помещик, поддерживавший промысел, вероятно в интересах получения больших доходов со своих крестьян. С середины 50-ых годов мастерская братьев Зениных перестает быть единственной—промышлен постепенно распространяется по окрестным селениям, прежде всего через учеников той же Зенинской мастерской, предпочитавших основать собственное производство.

Что касается собственно Воскресенского уезда, то из наших селений самым старым гнездом является Козино Еремеевской вол., где промысел формируется в конце XVIII века и где с сороковых годов XIX века столяры специализируются главным образом на „кривье“ (изогнутые оставы гостиной мебели). Рассадником наиболее изящной мебели явилась мастерская Уточкина, ученики которого впоследствии поставляли мебель в лучшие магазины Москвы и участвовали, например, в обмеблировании Ильинского дворца. Несколько позже заносится промысел в Нахабино—крупное село на Волоколамском шоссе, промышлявшее издавна содержанием постоянных дворов. Моментом начала столярного производства нахабинцы считают 1857-1860 год, когда в селе впервые появились два мастера-столяра: местный крестьянин В. В. Трошин и пришлый работник крестьянина Мещанчикова „Епифаныч“.

Первоначально промысел держался заказами местного населения на рамы, киоты и шкафы, причем тогда уже резные украшения выделялись совершенно отдельно резчиками соседней деревни—Талицы. У первых мастеров вскоре появились ученики а заказы стали поступать из Москвы. Требования рынка заставляют и нахабинских мастеров перейти на выделку кривья. Сначала „кривье“ это скупал какой нибудь предприимчивый хозяйственник, но постепенно завязывались связи с Московскими магазинами и у отдельных кустарей. В памяти населения сохранилось имя некоего Клюшина, имевшего свой магазин мебели в Москве, как ловкого перекупщика нажившегося на этом деле и даже пожертвовавшего колокола нахабинской церкви.

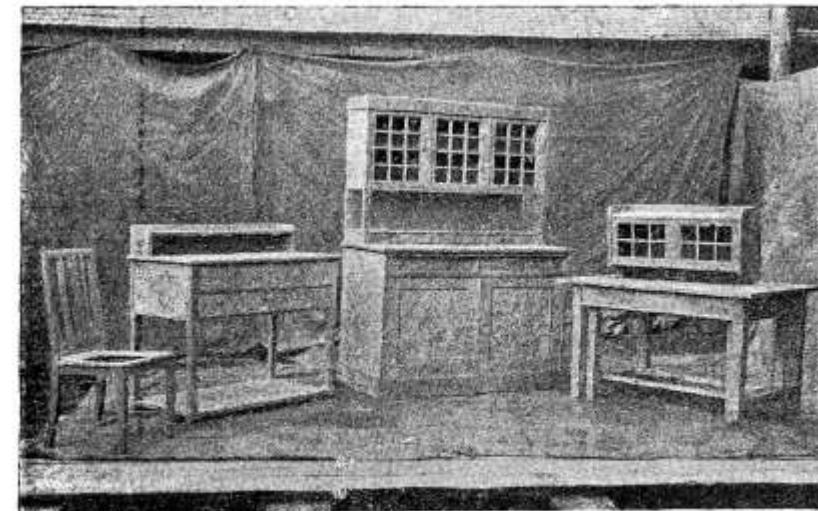
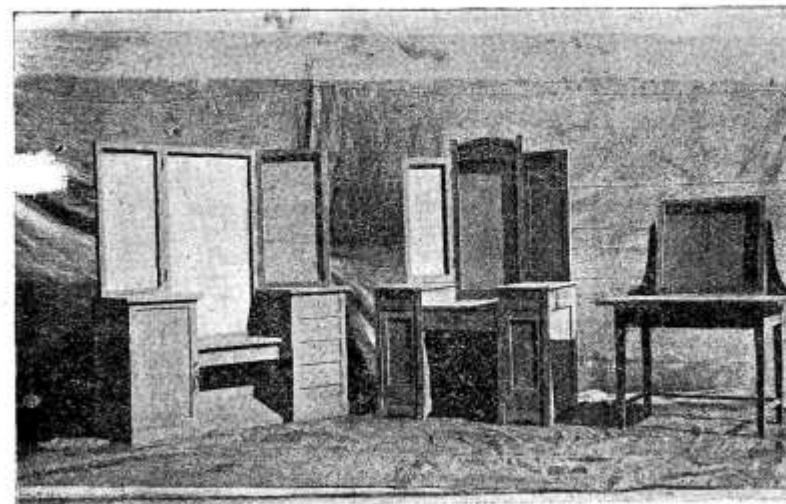
Произведенные на протяжении 23 лет два обследования мебельного промысла (1875 г. обследование Исаева и 1898 г. обследование Московского Губернского Земства, результаты которого обработаны пр. Вихляевым) отмечают 3 района распространения мебельного промысла: округ кривья, захватывающий селения Еремеевской и Павловской волости, примыкающие к Московскому уезду; округ белодеревцев, распространяющийся на запад по Еремеевской вол.; стоящий несколько особняком район Лучинской волости, где столяры специализировались на изготовлении ломберных и гостинных столов. Незначительную роль играет изготовление зеркальных рам, так называемые „трюмчики“. Сохраняя прежний район, столярно-мебельный промысел к 1898 году, по данным земского обследования, обнаруживает рост в числе занятых им лиц и хозяйств.

Сравнение числа селений, хозяйств и лиц, занятых мебельным промыслом в годы 1875—1898—1925.

Название волостей.	В 1875 г.			В 1898 г.			В 1925 г.		
	Сел.	Хоз.	Лиц.	Сел.	Хоз.	Лиц.	Сел.	Хоз.	Лиц.
Еремеевск.	26	280	620	20	529	1.139	23	454	599
Павловская	4	17	58	10	127	230	15	156	191
Лучинская	13	48	126	8	49	122	28	121	153
Итого .	43	345	804	38	705	1.491	66	731	943
Еремеевск.	100	100	100	77	189	184	88	162	96
Павловская	100	100	100	250	747	397	375	918	330
Лучинская	100	100	100	61	102	97	216	252	121
	100	100	100	88	204	185	153	212	117

Внутренняя структура промысла за означенный период как указывает проф. Вихляев меняется в сторону его измельчания: число промышленных единиц увеличивается быстрее, нежели число лиц; преобладающей формой становится форма семейной мастерской; из мастерских предпринимательского типа исчезают более мелкие. Принимая во внимание возникновение в этот как раз период в Москве мебельных фабрик, можно усматривать в этом их оттягивающее влияние. Обнаруженные обследованием 1898 г. изменения в возрастном составе столяров, и значительное сокращение группы учеников оценивается проф. Вихляевым, как признак неустойчивости данной формы развития промысла, предрекающий упадок производства. К сожалению мы не располагаем цифрами, которые могли бы с такой же ясностью, как обследование 1898 г. осветить положение промысла в 1914 г.. Современные же цифры характеризуют переменный момент, начало какого от нового изменения в положении промысла после тяжелого перерыва и конечно не могут быть использованы для характеристики путей его развития в период 1898-1914 г. Оценка самих кустарей рисует положение в таком виде. Открытие в 1900 г. Виндавской ж. д. оживляющим образом действовало на столяров. Уменьшаются накладные расходы, облегчаются сношения с Москвой, что вызывает и увеличение заказов. Роль центра начинает играть Нахабино (при ж. д.). Особенного подъема достигает промысел в 1910-14 г. когда изделия наших столяров шли в Ростов н/Д., Тифлис, Одессу и Баку. Чистый заработка кустаря доходил до 5 р. в день. Как раз в этот момент возникают промысловые об'единения кустарей-артелей: Козинская, Нефедьевская и Телепневская. Война жестоко ударила по промыслу. Сократились заказы, поредели ряды столяров. К 1917 г. производство совершенно прекратилось—промышленяли „кто чем мог” лишь бы прожить. Однако, уже в 1919 г. начинаются попытки возобновить промысел. Группа нахабинских столяров организует артель, которая несмотря на совершенно неблагоприятные условия становится на ноги и обеспечив себе заказы сначала Звенигородского Совнархоза, а затем, по вступлении в Артель-Союз,—Москвы,—привлекает все большее количество участников. В 1921 г. артель об'единяет уже 60 чел., в 1924 г. 140 чел. В настоящий момент из Нахабинской артели выделились самостоятельные Козинская и Нефедьевская, причем все три артели насчитывают до 200 членов. Что же характерного выявило обследование 1925 г. что говорят нам полученные данные.

Прежде всего относительно промысла в целом и распределения отдельных его разновидностей по территории уезда. Сравнительно с 1898 годом район столярно-мебельного промысла расширился (прибавились 3 сел. Еремеевской в., 5 Павловской и 20 Лучинской), но при этом произошло смешение прежних „ок-

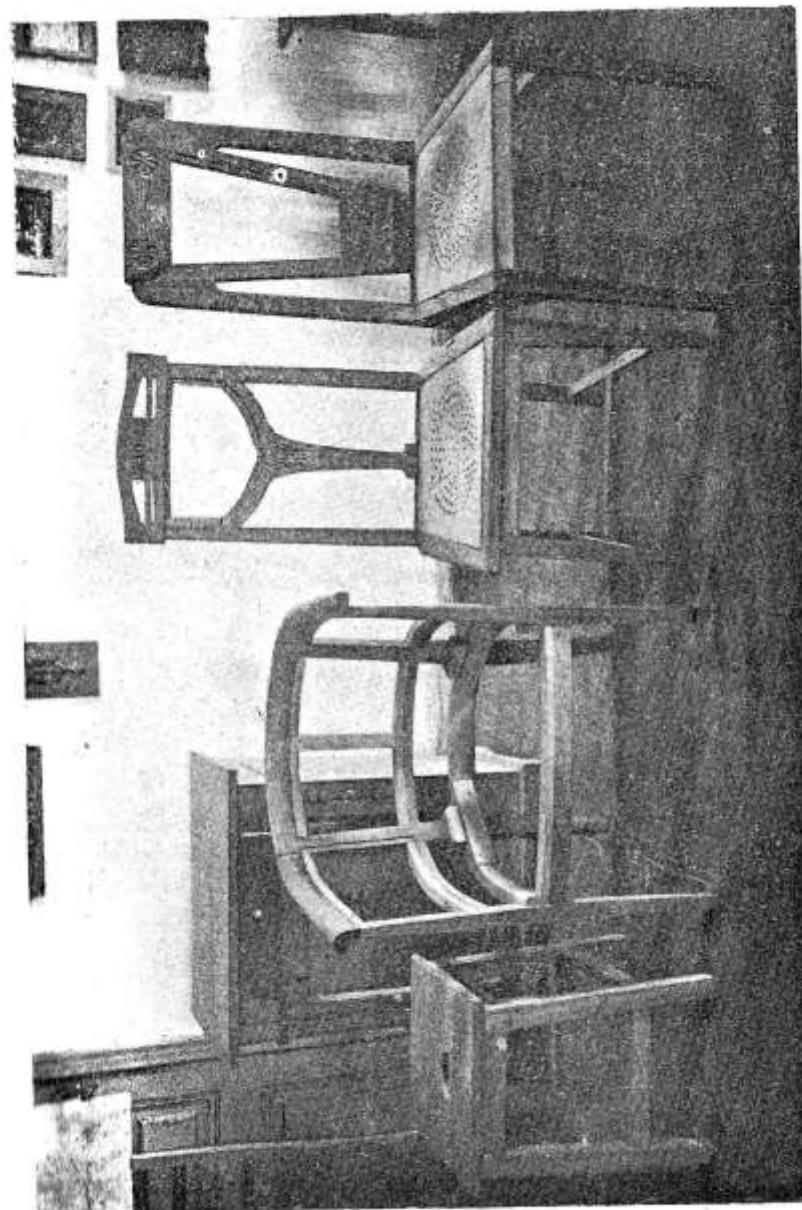
Из коллекций Гос.
Музея г. Воскресенск, Московской г.

Мебель работы Нахабинских столяров до 1914 г.

ругов". Изготовление столов (теперь обеденных) неизменно держится в селениях Лучинской волости; гнутая мебель почти не изготавливается; „кривье" сократилось за счет стула и даже табурета, проникшего в самое сердце прежнего округа кривья (Козино—50 проц. стульники).

Перед нами, очевидно, переходный момент, когда в силу целого ряда условий (отсутствие инструмента, падение спроса на дорогую, художественную мебель, затруднения в найме рабочих и содержании учеников, отсутствие оборотного капитала)—квалифицированный мастер бросается на выделку самых несложных изделий. Расширение района промысла сопровождается повышением числа занятых хозяйств 731 вместо 705; но не лиц—943 вместо 1491. Сопоставим эти данные с цифрами характеризующими момент вступления в промысел: 65 проц. работающих сейчас столяров начали работать до 1914 г. 5 проц. вступили в промысел в период 1917—1920 г. 30 проц.—после 1920 г. Очевидно, мы имеем дело с вовлечением в промысел каких то новых, может быть временных групп, а наряду с этим далеко не полное развертывание прежних кустарных мастерских и сильное их измельчение, как промышленных единиц. Производство в данный момент ведется на 70%, в одиночку, на 25% с участием членов семьи. Наемным трудом пользуются менее 5% всех столяров, причем из них только 0,5%, падает на наемных рабочих, остальные же приходятся на учеников. Конечно, эта цифра не выражает действительной потребности промысла в рабочих руках ни тем более потребности населения дать профессиональную подготовку подрастающему поколению,—она находится всецело в зависимости от неразрешенного для кустаря вопроса об ученичестве и найме рабочих. Правда апрельский декрет вызвал непосредственно последовавший набор учеников, но ограничение рабочего времени ученика продолжает учитьваться кустарем, непривыкшим расчитывать и свое время, как существенное припятствие к приему учеников.

Работа столяра мебельщика происходит большей частью в жилой избе, только 6% наших столяров (17 стульников, 4 кривьевщика и 11 столовщиков) имеют отдельные мастерские. Такой мастерской большей частью является отдельная „связь" или прируб к жилой избе, своим планом ничем не выдающий своего особенного назначения—мастерской. Работа в жилой избе затромождает и без того тесное помещение, сушка тут же леса вызывает сырость, что конечно отражается на здоровье всей семьи. Что касается влияния производства на здоровье самих работающих—мы не имеем точных данных. Несомненно что вредное влияние отдельных операций парализуется постоянной их сменой; наличие значительной группы бодрых продолжающих работать стариков (в возрасте свыше 60 лет) тоже как будто говорит за

Мебель работы Нахабинских столяров 1924 г.

Из коллекции Гос. Музея
и г. Воскресенске, Моск. г.

сносные санитарные условия промысла, но непосредственные зпечатления обследования и часто встречающиеся больные „группа“ говорят обратное.

Оборудование столярной мастерской состоит из верстака — то числе работающих — и набора столярных инструментов. Ни непосредственные расспросы, ни сравнение современного набора инструментов с описанием Исаева не указывают на какие либо изменения в самом инструменте за истекшие 50 лет. Но если в 1875 году Исаев наблюдал верстаки, как и все вообще деревянные части инструмента изготовленными самим столяром, — то сейчас почти все пользуются покупным инструментом: „верстаки“ — по местному выражению, — струпчинки и станки заказывают в Рузине Московского уезда, все остальное покупают в Московских магазинах, предпочитая инструмент заграничной работы. Изготовление собственными силами считается невыгодным, так как требуется специальный инструмент для провортирования отверстий и нарезания деревянных винтов.

Верстак — род стола, шириной в 10-12 вершков, высотою в 1 арш. 5-6 вершков. Длина верстака колеблется от 2 аршин у криводела до 3 аршин у „столяра“, работающего и крупные вещи. Верстак криводела имеет коробку с винтом для укрепления бруска, над которым работает столяр, лишь с одного конца верстака, тогда как в верстаке столяра коробки с обоих концов. Верхняя часть верстака — крышка делается из березы, на нижнюю — подверстачье идет сосна или ель. Верстак служит „всю жизнь“, иногда даже переходит по наследству. Портится в нем от неумелого употребления деревянный винт или ломается гайка. Особенно портят верстак, как и весь вообще инструмент, не умеющие обращаться с ним ученики. Новый верстак (без материала заказчика) стоит 50 руб. (до войны 12-15 руб.).

Струпчинка — деревянная прямоугольная рамка с вынутой одной стороной, вместо которой вставлен деревянный винт; струпчинкой прикрепляется к верстаку во время работы отделываемый брускок дерева, или скрепляются вместе склеиваемые части для просушки. Струпчинки делаются из березы теми же мастерами, которые делают верстак, по цене 15 руб. за 1 дюжину (до войны 3 руб. дюжина). Размер струпчинки колеблется от 2 до 5 вершков. Роль струпчинки для крупных вещей, особенно для щитов, обклеиваемых фанерой, играют станки т. е. большие рамы с деревянными винтами. Станки заказываются тем же столярами, которые делают верстаки и струпчинки. Стоит станок 20-25 рублей.

Собственно инструмент столяра состоит из следующих предметов:

- ПИЛЫ: 1) Пилочка крючковая.
2) " размашная.
3) Пила для пилки поперек.
4) Мелкозубка (2-х сортов).

Разница между ними заключается в разной величине и наклоне зубчиков, определяемыми назначением каждой. Самые пилки покупные, рамки к ним самодельные. Точат и правят пилу сами.

Дальше идет группа однотипных инструментов для отделки дерева: все они состоят из колодки (раньше изготавливавшейся самим столяром) и вставляемых железок, различные вариации которых определяются специальным назначением инструмента: шерхебель (в местном произношении шершебель) с колодкой 5 вершк. длинной; железка шерхебеля оканчивается не прямой линией, а полукруглой, что делает его пригодным для первоначальной грубой отделки совсем еще необстроганного теса. Стоит сейчас шерхебель 2 р. 50 к.

Рубанок двойной — 5 $\frac{1}{2}$ вершков; кроме обычной „железки“ вставляется вторая — „горбатик“, вставляя которую глубже или мельче столяр регулирует глубину стружки, которую захватит рубанок. Таких рубанков требуется 3, чтобы не менять глубину „горбатика“, а наставить все 3 по разному. Цена двойного рубанка 6 р. до войны 1 р. 50 к.; цена железки и горбатика без колодок 5 р. до войны 75 к.

Простой рубанок такого же размера, отличается лишь отсутствием горбатика, стоит 2 р. 50 к.—3 р. Простой рубанок обычно имеет нижнюю пластинку плоскую, но для строганья кривых поверхностей употребляется рубанок с выпуклой нижней частью. В довоенное время употреблялся „механический“ рубанок, металлический со стальной нижней пластинкой, радиус выпуклости которой при помощи винта мог быть произвольно изменен. Стоил он у Роберта Кенца 12 р. и по словам кустаря „оправдывал себя в неделю“, настолько увеличивая производительность труда. Но об этих рубанках сейчас только вспоминают — их до последнего времени не было в продаже.

К этой же группе инструментов относится еще фуганок — крупный рубанок в 1 арш. или 15 вершк. длинной, тяжелый, с нижней пластинкой из бука или дуба, „железка“ в фуганке одна. Стоит фуганок сейчас 10 р. (железка отдельно — 6 р.), до войны стоил 1 р. 50 к.

После отделки всеми указанными инструментами поверхность дерева, предназначенная для оклейки фанерой строгается зинцубелем — род рубанка, но с зубчатой железкой, т. к. несколько изборожденная поверхность дерева лучше ~~поддерживает клей~~ (стоит 3 р. 50 к.).

Следующая группа инструментов предназначается для „отборки“, т. е. для начесения на гладкую поверхность дерева рубчиков, кантов, выемок и проч. Такими являются: зинцубель, ко-Гус армяй промысел.

торым „выбирают край“. Он представляет из себя как-бы продольный разрез рубанка толщиной всего в вершок с узенькой железкой. Зинцубелей должно быть минимум 2.

Галтелики—трех сортов для выстругивания продольных углублений. Шпунт для выбирания впадин. В настоящий момент употребляется простой шпунт с планкой и двумя винтами, при помощи которых устанавливается необходимое расстояние; до войны употреблялся механический, с подвижной металлической пластинкой—„щечкой“, он сейчас стоит около 30 р., тогда как: простой 4 р. 50 к.

При сборке предмета употребляются особые инструменты долота 3-4 разных размеров (рублей по 5), коловорот, в который вставляются цинтура простые и винтовые для просверливания отверстий, (коловорот 3 р., цинтур 1 р. 70—3 р.) стамески размером от $\frac{1}{10}$ вершка в ширину до 1 вершка—16 шт. ($\frac{3}{4}$ вершковая стоит 7 р.).

Для окончательной отделки употребляются подпилки драневые, круглые, полукруглые и „плоские“ (рубля по 2) и цикля—стальная пластинка для соскабливания оставшихся „задорин“.

Вспомогательную роль играют клещи и деревянный молоток—киянка. Для измерений служат: угольник, ресмус, брунон и майка—разные сорта линеек с углами неподвижными и на винтах.

	СТОИМОСТЬ.			
	СОВРЕМЕН.		ДО ВОЙНЫ.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Верстак	50	—	12	—
Струпчинки	15	—	3	—
Станки	25	—	10	—
Пилы	12	—	6	—
Шерхебель	2	50	1	50
Дв. рубанок 3	18	—	4	50
Пр. рубанок	2	50	1	—
Фуганск	10	—	1	50
Зинцубель	3	50	1	—
Галтелики	10	—	2	—
Шпунт.	4	50	1	—
Долота	15	—	3	—
Стамески	15	—	3	—
ВСЕГО	181	—	49	50

Такой набор инструментов необходим каждому столяру но далеко не у всех он на лицо. Действительно, оцениваемый в 181 р. набор является недоступным для единовременного приобретения, подкупают понемногу, а пока что по соседски пользуются инструментом более оборудованного кустаря. Это еще более усиливает изношенность инструментов. Напр., фуганск для хорошей работы требует точки раза 3 в день; „только наточишь—глидиши уже бежит кто нибудь—дай на часок; принесет—надо опять точить“.

Вопрос о хорошем инструменте стоит настолько остро,—в силу его дороговизны, а иногда и полного отсутствия на рынке—что в целом ряде случаев невозможность приобрести инструмент взамен „подбившегося“ старого влечет за собой переход к выработке более простых изделий. На это жалуются главным образом резчики и высококвалифицированные мастера, изготавлиявшие раньше специальные заказы по рисункам и чертежам.

В мастерской столяра, где работает несколько человек, существует разделение труда, но лишь в степени, определяемой разной долей подготовки. На учеников возлагается варка клея, строгание высущенного и распиленного, соответственно формам и размерам задуманного изделия, теса, сначала шерхебелем, а затем рубанком. За собой хозяин оставляет „связывание“ частей, т.-е. соединение их при помощи деревянных шпилек и клея.

После сборки идет обклевывание соснового или берескового остова липовой и дубовой фанерой. Этот момент требует особого внимания, т. к. неприставшая к какой-либо точке фанера дает потом выпуклость, которая лопнув может испортить всю вещь. Обклеенные части крепко завинчиваются струпчинками или в станки. Когда они высохнут, начинается окончательная отделка предмета рубанком и шкуркой. Все резные или токарные украшения выполняются на стороне специалистами. Отделкой фанеры заканчивается изготовление предмета т.-к. наши столяры не полируют и не лакируют своих изделий. Объясняется это тем, что не окрашеная вещь легче продаётся, тогда как окрашеная может долго не найти покупателя из-за несоответствия тона окраски.

Интересно отметить, что за определенными районами прочно держится слава добросовестной или плохой работы. Так напр., район Ильина считается районом „липовых“ столяров за плохое качество их изделий. Ильинский столяр „выгоняет“ в неделю 1 стол, тогда как нормально в других районах средний мастер сделает его в две недели. Стульники изготавливают в неделю не больше 6 стульев, табуреточник 12 шт. Выраженная в денежной оценке производительность среднего кустаря составляет 14 р. 50 к. в неделю (с колебаниями от 6 р. 75 к у табуреточника до 19 р. 20 к у крупнодела и кривьевщика).

Часть этой величины, остающаяся столяру в виде заработка, очень разнообразна. Основным расходом является расход на сырье и его доставку. Лесной материал, в виде распиленного теса и досок (сосовых) приобретается на складах уезда в с. Нахабино и в г. Воскресенске, фанера—дубовая, липовая—привозится из Москвы. Многих материалов,—красное дерево, груша, орех—сейчас вовсе нет на рынке. Доставка материала особенно одиночкам из отдаленных селений требует значительных расходов, тем более, что отсутствие свободных денег не дает возможности кустарю произвести сразу закупку большой партии сырья и тем „оправдать“ поездку в 20—25 верст. Вспомогательные материалы—клей, шкурка—покупаются в Москве. Расходы производства (сырье, вспомогательный материал) составляют в среднем 6 руб. 55 коп. в неделю или 45% стоимости изготовленного товара, причем эта цифра колеблется от 1 р. у табуреточника до 8—10 руб. 50 коп. у крупнодела и кривьевщика. Выраженные в % к выработке они составляют от 14,5 у табуреточника, до 52 у крупнодела. Таким образом выручка от продажи изделий за вычетом расходов составляет в среднем за неделю 8 руб. с колебаниями от 5 р. 77 к. (табурет.) до 9 р. 55 к.—11 р. 10 к. (крупнодели и кривьевщики).

Чтобы на основании указанной недельной выручки определить годовой заработок кустаря надо иметь в виду, что наш столяр работает в году в среднем 24 недели (22 табуреточник и 30 крупнодел). При этом сезоном работы является осень и весна. В течение осени 75% работает более 5 недель, в течение зимы 94%, весной 68%, летом только 7%; 21% работает летом менее 5 нед., а 72% не работает совсем.

При этом и рабочий день удлиняется в сезоны работы, растягиваясь в 30 случ. из 100 до 14-16 часов в 60 до 12 часов. Такая годовая работа дает 1 столяру в среднем 200 руб. чистого доходу в год.

Сезоны производства в столярном промысле совершенно не отражают в себе сезонов спроса на мебель—наоборот, к моменту наиболее повышенного спроса—к осени у столяра еще нет заготовленной мебели, а весенний запас он продал за полцены, не имея возможности продержать его до осени (дюжина стульев весной стоит 35 руб. осенью 50 руб.). Сезонность эта объясняется исключительно связанныстью нашего кустаря с сельским хозяйством, которое он упорно продолжает считать своим основным занятием, особенно теперь после летов почти полного застоя в промысле, хотя бы обективные цифры говорили обратное.

Земельное обеспечение хозяйств столяров довольно разнообразно; в среднем оно составляет 2 десятины на хоз. или 0,35 на едока, с колебаниями от 0,2 у стульников и табуреточников до 1 десятины у столовщиков и крупноделов. По сравнению со своими односельчанами столяры составляют в большинстве случаев (59 из 100) группу с земельным обеспечением ниже среднего по се-

лению, в 11, случ. из 100—средним и в 28 случаях группу с обеспечением выше среднего по селению, причем опять таки группа с земельным обеспечением выше среднего по селению значительно у крупноделов, меньше у стульников и табуреточников. Хотя во всех хозяйствах мебельщиков члены семьи участвуют в сельскохозяйственных работах, но внимание, уделяемое ими ведению сельского хозяйства, часто очень невелико: как уже было указано, именно среди селений с развитым столярным промыслом встречается еще трехполье; значительная часть мебельщиков (24%) уже не держит в хозяйстве лошади, предпочитая сдавать обработку земли посторонним. Центр тяжести полеводства большую частью лежит еще в зерновых культурах, что отражается и на количестве скота—10% хозяйств совсем не держат коров 73% имеют 1 и только 17% 2-х коров.

Если по отношению к сельскому хозяйству наши столяры оказываются „отсталым“ элементом, этого нельзя сказать относительно прочих сторон их житейского уклада.

Прежде всего столяры являются самыми организованными среди кустарей в уезде. Правда, кооперирование охватывает лишь сбыт изделий и заготовку сырья, совершенно не касаясь производства, но это вполне понятно, так как вопросы сбыта являются самыми болезнными. Главная задача артелей—получение заказов и таким образом освобождения кустаря от власти скопщика,—и заготовка сырья. Приходится констатировать, что справиться с поставленными задачами артели пока что не в силах. Так, при заготовке материалов нахабинской артелью сосновая доска обходилась в июле 1925 года 1 руб. 80 коп. тогда как на частном складе она стоила 1 р. 50 коп. В деле сбыта артель облегчает получение заказов, но очень задерживает выплату денег, так как работает на Московские об'единения, затягивающие иногда расплату на месяц и больше. Этим об'ясняется, что значительная часть столяров и даже членов артели сбывает свои изделия через скопщиков. Этому способствует и политика Московских учреждений: по словам кустарей Мосдрев передает свои заказы коммиссионерам, удерживающим при раздаче работы производителям не менее 20% стоимости (сборка дубовых стульев и диванов из фабричных заготовок с. Подпорино Еремеевской волости; коммиссионер Мосдрева скупает в Козине дубовые кресла по 12 рублей за штуку, получая за них по 18 руб.). Отношение к артели совершенно различно у квалифицированных и рядовых столяров. Если последние охотно об'единяются, то старые опытные мастера, имеющие уже собственные связи в Москве и привыкшие к индивидуальной оценке своих изделий—идут в артель туда. В связи с этим стоит чрезвычайно остро вопрос о качестве изделий в артелях: сами столяры отмечают совершенно небрежную работу „на артель“; были случаи, когда заказчики (Московские учреждения) отказывались принять от артели заказ ввиду его непригодности. Большую роль в деле организации артелей, конечно, играет наличность сплоченной энер-

тичной группы, которая могла бы стать во главе об'единения. Часто отрицательное отношение к артели вызывается неудачным составом Правления (пьянство, грубость).

Столяры среди прочих кустарей уезда отличаются своей „приспособляемостью“. Правда их приспособляемость лежит не только в плоскости промысла: в годы упадка промысла они переходят на самые разнообразные виды подсобного заработка— скапают и перепродают скот, сено, дрова чтобы при первой возможности опять вернуться к верстаку. В пределах промысла эта приспособляемость оказывается в формах готовых изделий. Может быть еще недостаточно глубоки произведенные наблюдения, но до сих пор не удалось уловить самостоятельных творческих начал в орнаменте резьбы и самых формах производимой мебели. Все это производится по готовым даже не рисункам а „моделям“, т. е. выпиленным из кусков фанеры в натуральную величину образцам. Искусство резчика почти не сказывается в его домашней обстановке: так, в д. Талицах, бывш. центром резного искусства, совершенно не обнаружено резных изделий домашнего обихода, а из московских заказов случайно оставшихся несданными, только в одной семье резчика сохранились четыре резные вещи (2 кронштейна в виде головы дракона и лисицы, головка херувима для иконостаса и филенка к буфету). Интересную коллекцию резьбы по дереву удалось составить в Нахабине из работ резчиков двух поколений одной и той же семьи, давних „цеховых“ мастеров, где резьба укрепилась с 1812 г. Коллекция эта (14 предметов, приобретены Музеем), ярко отражает смену приемов и мотивов резьбы в период до 1900 г., от 1900 до 1905 г., который резчики считают началом упадка промысла и в настоящий момент, когда резьба направлена исключительно на выполнение мелких и грубых поделок по заказам окрестных столяров. (См. рис. 1). Такая тенденция промысла вполне осознается самими резчиками и вызывает в них определенное, но никак не оформляющееся желание возродить промысел. Мечтают об организации худож. ремесленной мастерской, стараются передать свое умение сыновьям. Можно было ожидать что в связи с упрощением ассортимента изделий, почти полным отказом от художественной отделки их, а также в связи с современными общими настроениями „механизации производства“ и у наших столяров мебельщиков встанет вопрос о введении механизмов для тех операций производства, которые, по своему существу, это допускают. Действительно, нахабинцы потоваривали об установке электрической распилки. Правда, отсутствие крупных промысловых единиц сделало эти разговоры преждевременными, но можно думать, что как только объективные условия промысла будут требовать такого изменения— оно встретит живую поддержку нахабинских столяров.

Нам не представляется возможным за отсутствием исчерпывающего материала дать полную картину быта столяров-мебельщиков. Отметим лишь отдельные штрихи. Связанный с Мо-

Резьба по дереву кустарей-резчиков 1895—1925 г.

Из коллекции Гос. Музея
в г. Воскресенске, Моск., г.

ской, наблюдающий ее вкусы, столяр и в свой обиход вносит черточки городского быта: внутренняя обстановка жилища, костюм, обязательное посещение чайной выделяют кустаря этого района среди прочих кустарей уезда. Некоторые традиции, сохраняющиеся и сейчас, несмотря на то, что по существу для них уже нет места в современных отношениях,—являются тоже сколком нравов Московских ремесленников. Так в Бакееве (старинное гнездо кривья) ежегодно 22 октября (ст. ст.) происходит попойка, носящая название „засидки”—хозяин угожает мастеров в этот день, так как начиная с него полагается работать не только при дневном, но и при искусственном свете и значит рабочий день сразу значительно увеличивается. Уже лет 10, как в Бакееве нет хозяев и мастеров, года четыре—с начала возрождения промысла после революции, как работают при свете всякий кому когда нужно,—но „засидки“ неизменно справляются, должно быть как благовидный предлог для выпивки. Этим же целям служат многочисленные праздники православного календаря, а то и просто каждый случай „получки“. Стоит поехать под праздник от Москвы до Нахабина в поезде, чтобы услышать пьяные исповеди, кто сколько оставил из вырученных денег в Московских трактирах. К сожалению эта черта не является особенностью только столяров.

В результате нашей попытки исследовать столярно-мебельный промысел мы можем сказать, что наблюдаемый сейчас подъем столярного промысла после тяжелого периода застоя, протекающий в совершенно новых политических и экономических условиях, ставит ряд вопросов, от своеевременного и правильного разрешения которых зависят дальнейшие пути развития промысла.

Такими вопросами являются:

1. Поднятие качества изделий.
2. Правильная постановка артелей, которая обеспечивая организованную закупку сырья и получение заказов, не нивелировала бы исполнение работы мастерами разной квалификации.
3. Учреждение художественно-ремесленной школы.
4. Урегулирование вопросов ученичества.

Последний вопрос, как и ряд других, связанных с рынком, имеет характер вопросов общих для всех промыслов и не может быть решен изолированно, являясь лишь отражением общих условий современности.

ВОЙЛОЧНО-ВАЛЯЛЬНЫЙ ПРОМЫСЕЛ.

Войлочно-вальяльный промысел, или по местному выражению „войлажное дело“ гнездится в одном лишь селении Пятницкой вол.—Лопотове. Природные условия селения—именно близость его к реке, создают благоприятные условия для промысла, требующего большого количества проточной воды для промывки шерсти. Никакие другие черты современной окружающей обстановки не подскажут нам, откуда в этом далеком (60 верст от Москвы, 12

верст от жел. дороги) селении развитой и исстари ведущийся промысел. Вглядываясь, однако, в прошлое района мы отмечаем значительное распространение кожевенных заводов именно в районе верхней Истры. Так в 1852 году*) в окрестностях Лопотова числилось 21 кожевенная изба и 2 завода; в соседней Петровской вол. Клинского уезда по данным 1882 года десять кожевенных заводов продолжали существовать; в настоящее время существует крупный кожевенный завод Лаповец в селе Миронцево.

Вполне естественно, что в районе такого скопления кожевенных заводов, накопляющих в виде отброса производства коровью шерсть, возникает промысел, использующий эту шерсть в качестве сырья. Предание приурочивает возникновение промысла к царствованию Павла I, когда крестьянин села Стешино (Петровской вол., Клинского уезда) Юдин впервые открыл вальяльную мастерскую. Закупку шерсти он производил в Пятнице—торговом центре района. От него, якобы, и Лопотовские крестьяне переняли производство.

В „Сборнике материалов для изучения Москвы и Моск. губ. изд. Моск. Губ. Стат. Комитета за 1864 г.“ упоминается уже вальяльное производство Звенигородского (тогда) уезда. Обследование 1880 г. упоминает как годы подъема промысла 1860—65 и 1870—75, насчитывает в Лопотове 32 заведения, в которых занято 118 человек (в т. ч. 82 наемных); 1898 г.—35 мастерских 171 рабоч.

Война 1914 г. вызвала оживление промысла в виду больших заказов военного ведомства; была организована артель, привлекшая массу членов, так как производство войлока считалось производством „на оборону“. Революция, конечно, отразилась на производстве, в сторону сокращения, но особенно памятен Лопотовским войло-чникам 1919—1920 год, когда буквально все Лопотово переболело сыпным тифом. Однако, уже с 1921 г. промысел начал оживать и в настоящее время им заняты 67 хоз., а в них работают 82 чел. (из них 36 наемных) при общем населении в 881 чел. и числе хоз. в 173.

Войлочно-вальяльный промысел заключается в вальяльных строительных войлок. До войны ассортимент изготавляемых изделий разнообразился подковушниками, заварным войлоком, сейчас же производится исключительно 5 фунтовый строительный войлок, идущий под штукатурку. Вальялье происходит в особых мастерских. В случаях экстренной нужды войлочник, не имеющий своей мастерской, в летнее время может свалить в жилой избе (с тем, что стирка и сушка производится под открытым небом) несколько штук войлока, но постоянное производство требует специально оборудованной мастерской. (Рис. 5 и 6).

Справочник Ництрема.

Войлочная мастерская гг. Гаврилы Матвеевича Грехова
в дер. Лопотово Пятницкой вол. Воскресенского уезда. 1925 г. июль.

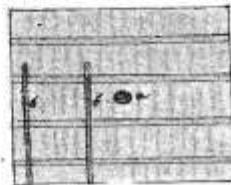

Рис. 2. СХЕМА ПОТОЛКА.

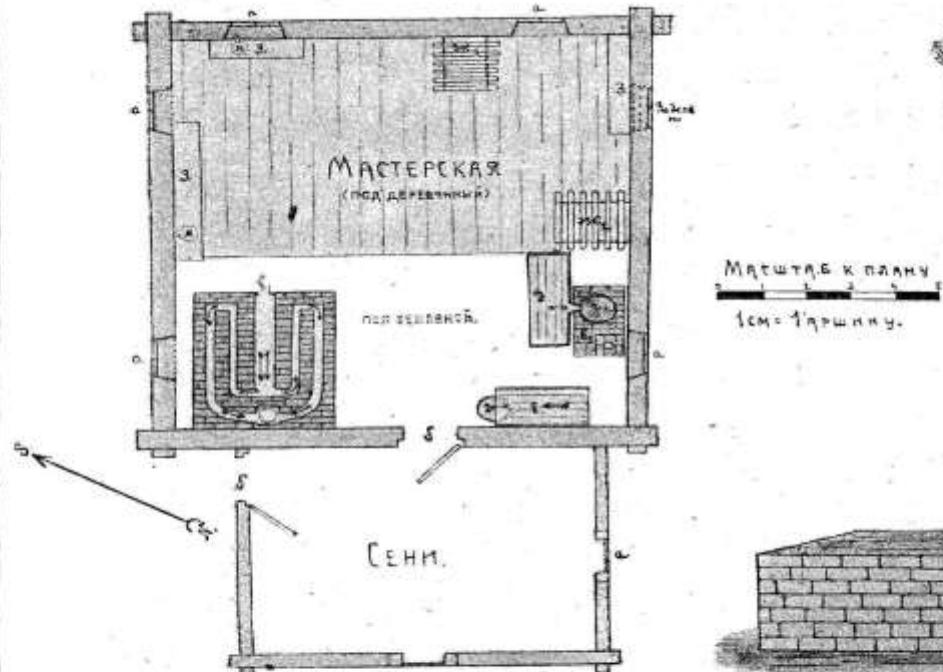

Рис. 1. ПЛАН МАСТЕРСКОЙ.

Рис. 4. Общий вид мастерской с юго-восточной стороны.

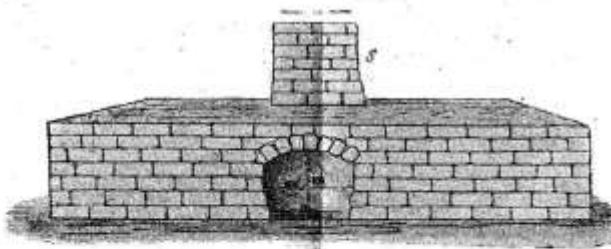

Рис. 3. ПЕЧЬ СО СТОРОНЫ ТОПКИ.

ЭКСПЛИКАЦИЯ.

Рис. 1. План мастерской, высота 2 аршина, размер а-окна 10x16x16x16, от пола 10 аршина.
б-двери 10x16x9 аршина.
б-печь Заря 10x10, высота 12 аршиков.
б-печь с котлом 10x46x16 в высота 10 арши.
з-котлы - диаметр 14 аршиков, 2-врыты в землю.
з-лоток (наклонный) 10x30x16 аршиков.
з-стек (наклонный) 10x18x16 аршиков.
з-скамья шириной 76, длиной 10 аршиков.
з-места мастеров.
Рис. 2. Схема потолка.
а-витражная труба 4x4, б-решетки.
Рис. 3. Печь.
а-топка 10x10, б-дымоход 14x16.
Рис. 4. Общий вид мастерской.
окна сени 10x16, от пол 10 аршиков.

Бумага и карандашом нарисован в Бюро изобретений и изысканий 1925 г.

ПРИМЕЧАНИЕ: Масштаб, показанный для чертежа, в клише составляет 1 см.=1,7 аршина. Размеры см., в экспликации.

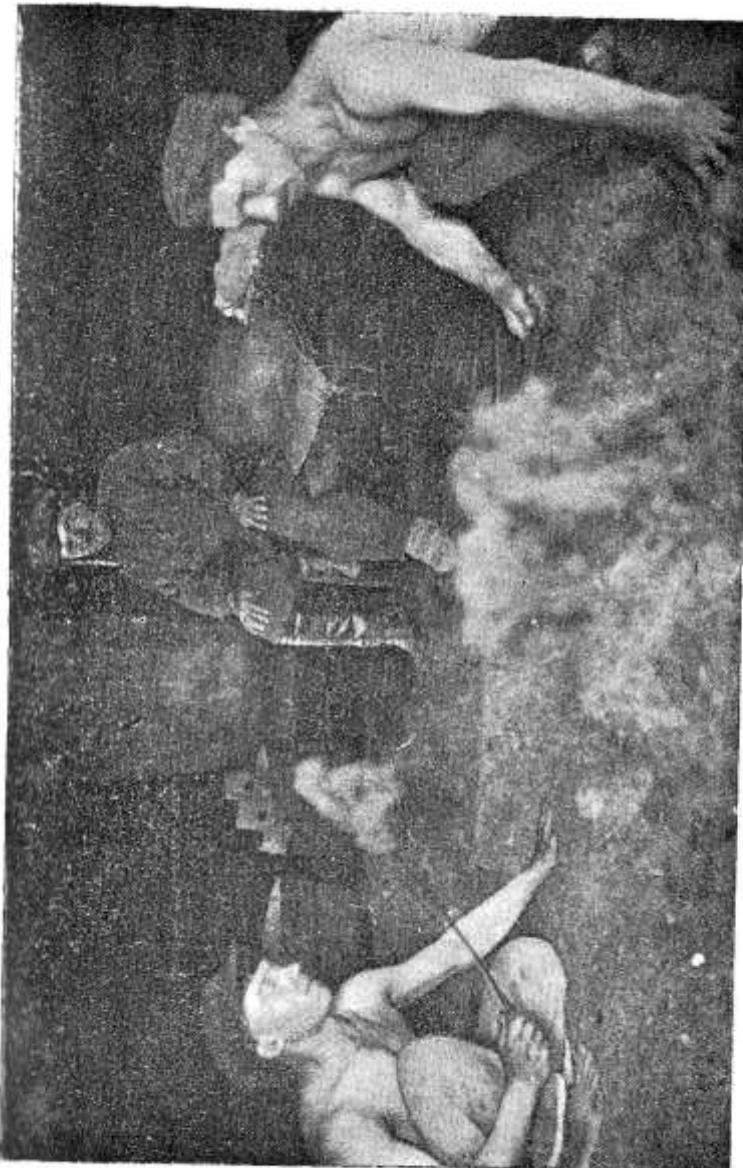
Валельная мастерская строится обычно в расчете на работу 5-6 мастеров, иначе она не может быть рационально использована. Обычно мастерская имеет такой вид: деревянный сруб 8×10 арш., высотой не более 3 арш., с 3-4 небольшими (8×8 вершков) оконцами; крыша крыта в большинстве случаев дранью и даже соломой.

Как исключение из этого общего типа можно указать мастерскую, наполовину выстроенную из земли (колья, обложенными дерном) и 4 кирпичных под железными крышами. Пол мастерской приходится обыкновенно ниже земли, так что войдя в низенькую дверь, вы должны шагнуть вниз, и перед вами предстанет длинная полутемная комната, пропитанная запахом шерсти и прокисшей муки. Привыкнув несколько к сумраку, вы различите длинные лавки вдоль стен, настеленный деревянный пол, лоснящийся от валеня на нем войлок, в одном из углов низкую с большой поверхностью нагрева печь (кирпичная, с трубой, поставленная „с материка“), над печью „вешалки“ т. е. слеги, на которых укрепляются при сушке войлока; в разных местах мастерской, поотдаль друг от друга, укреплены к стенам „решетки“, для разбивки шерсти. (Решетка состоит из ряда — шт. 8-12 — досок, шириной вершка в 3, длиною в 1 арш., укрепленных обоими концами с некоторыми промежутками на 2 веревки, один конец решетки укрепляется в стене на высоте $1\frac{1}{2}$ арш. от полу, затем решетка стелется на 2 вбитых в стену горизонтально кола длиною в $1 - 1\frac{1}{2}$ арш. а свободный ее конец под прямым углом загибается кверху и укрепляется на потолке).

Обычно, кроме „сруба“, мастерская имеет „прируб“ 6×8 арш., предназначаемый для стирки войлока и носящий название „стирни“. Оборудование стирни состоит из небольшой кирпичной печи с вмазанным в нее котлом для воды, стирного лотка и стека.

Самый процесс производства разбивается на несколько стадий в следующем порядке. Привезенную коровью шерсть, если она немытая, сваливают на берегу реки в месте, где устроены „плотики“ — мостки, сколоченные из досок (площ. 2×3 арш.). В настоящее время в Лопотове всего 4 таких плотика, поставленных отдельными хозяевами — остальные пользуются „по соседски“.

У плотика стоит „корыто“, сколоченное из толстых досок ($\frac{1}{2} \times 1 \times 1$ арш.). В него вилами накладывают шерсть и „толкнут“ ее лопатами, особенно тщательно, если она подзолистая, а не хлебная, т. е. очищенная от кожи известью, а не хлебом. Толченую шерсть вилами накладывают в „мойную крошню“ — корзину, плетенную из ивового прута (высота в 1 арш., диаметром 1 арш.). Мойная крошка одной мочкой — плетеным ушком — надевается на кол, вбитый у плотика, и погружается до краев в воду. Длинным круглым шестом „помывкой“ вайлашник мешает шерсть быстрыми круговыми движениями. Течением реки уносится выделяющаяся из шерсти муть, черви и всякие примеси. Муть на

Вайлашники „натрусают“ шерсть розгами на полотно. с. Лопотово.

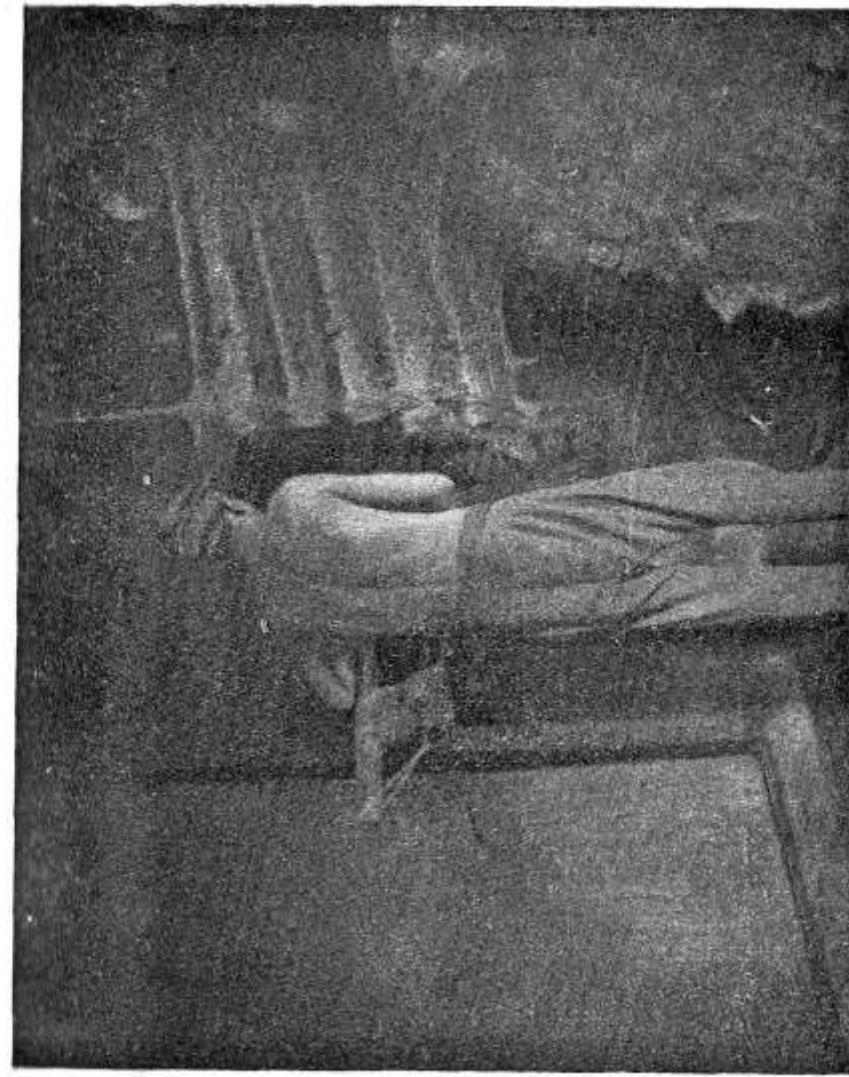
Из коллекции Гос. Музея
в г. Борисоглебске, Моск. г.

протяжении 3—4 шагов ниже плотника осаждается на дно, черзей подхватывает рыба, и это обстоятельство служит местному населению доказательством, что вода не становится „вредной“ после мытья в ней шерсти. Совсем иное говорят нам данные санитарного надзора. С первого же момента учреждения в Пятницкой волости участковой лечебницы,—т.-е. в 1892 г., когда были созданы санитарные попечительства, вопрос о загрязнении Истры лопотовскими войлочниками, а также о загрязнении колодцев, у которых они складывали большими кучами немытую кислую шерсть и сушили вымытую в реке,—вопрос этот непрерывно ставится перед санитарным советом, но не может найти разрешения, т.-к. категорическое запрещение мытья шерсти в реке, если бы оно могло быть фактически проведено, убило бы промысел, дающий заработок целому селению.

Итак мытье шерсти в реке продолжается до наших дней. Плотники устраиваются даже не ниже деревни, а тут-же, где кому поближе и притом в затоне, а не на „быру“ (быстрое течение), который сбивает шерсть в ком. Когда шерсть в крошне перестает выделять муть, и вода в ней станет прозрачной,—„как пить“—крошню постепенно поднимают; вода стекает, в крошне остается „намывка“, которую вываливают на берег, а затем возами перевозят „на загон“ (т.-е. на усадебные участки), где и сушат. По просушке шерсть складывают в сарай, а в мастерскую вносят лишь по мере надобности. Мытье шерсти требует значительной физической силы, поэтому производится или самим войлочником или взрослым поденным рабочим. Мытье шерсти возможно только в летние месяцы, т.-что зимой пользуются либо шерстью намытой летом (если такая крупная заготовка по силам мастерской) или привозят из Москвы уже мытую шерсть. Мытую шерсть до употребления „разбирают“—сортируют. Разборкой занимаются на открытом воздухе женщины и дети, обычно поденно нанимаемые. Характерно, что расход на сортировку не ставится войлочниками в расходы производства, т.-к. в шерсти, покупаемой как отброс, при разборке попадаются высокие сорта и таким образом разборка „сама себя окупает“.

Работа внутри мастерской распадается на валянье и стирку войлока, причем никакого разделения труда не существует и работающие в мастерской 4—6 войлочников, ничем не связанные друг с другом, переходят по мере надобности от одной производственной операции к другой.

Чтобы свалить $4\frac{1}{3}$ фунтовый войлок, войлочник берет охапку шерсти разных сортов и на полу мастерской „делает мешонку“, т.-е. смешивает шерсть; мешают „катком“—круглой палкой 4 арш. длиной, причем брызгают шерсть водой. Мешонку кладут на несколько часов—обычно на ночь (ночью в мастерской наиболее высокая t^*) на решетку, чтобы она согрелась. С утра войлочники разбивают на струне приготовленную накануне шерсть.

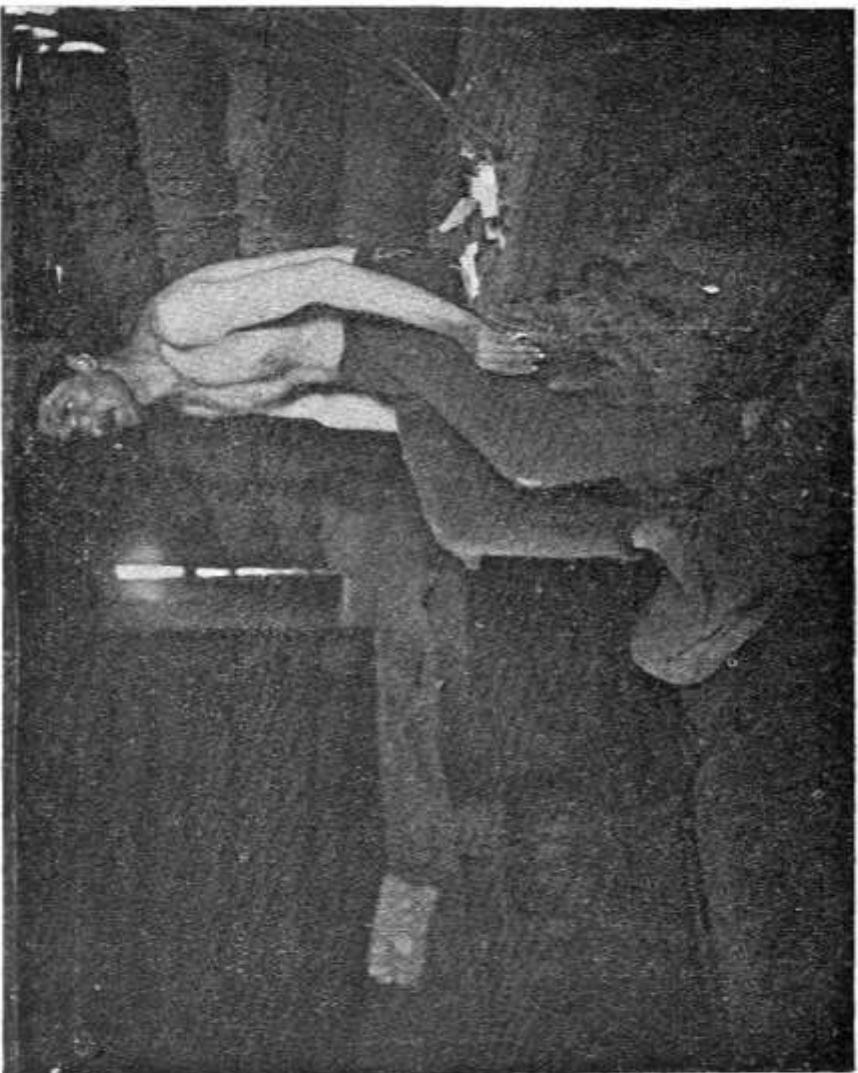
На коллекции Гос. Музея
в Т. Изображение: Моск. г.

Вайлащик, разбивающий шерсть „на струне“. с. Лопастово.

Разбивка на струне заключается в том, что войлокщик короткими, быстрыми, ритмичными ударами бойка заставляет звать струну, натянутую на „лучек“ и укрепленную горизонтально над разложенной на решетке шерстью, разбивая ее на отдельные волоски. В это же время сквозь решетку на пол сыпется всякая посторонняя примесь, еще оставшаяся в шерсти. Разбив охапку шерсти, войлокщик снимает ее с решетки и „натрусає“ на расстеленное на полу полотно. Сначала натрусаются слой травянки, а затем и шерсти.

Травянка—искусственная шерсть, получаемая из джутовой тряпки. При натруске войлокщик берет в левую руку горсть шерсти и медленно сыплет ее; в это время в правой руке у него находятся „розги“—пучок прутьев из жимолости, связанный на одном конце и веером распущенный на другом,—которыми он подбивает падающую шерсть, заставляя ее еще более распускаться. Насыпав так кучку шерсти посреди полотна, войлокщик теми же розгами прихлопывая по шерсти, разравнивает ее по всему полотну. Сначала насыпается слой травянки, затем слой шерсти. Оба слоя вместе с полотном наворачиваются на каток, обвязываются бичевой, и войлокщик, усевшись на скамью, упервшись в нее руками, начинает ногами валять войлок, изредка поворачивая ногами же весь „бот“ со стороны на сторону и даже на 180°. Такое скатывание длится около часа, затем полотно расстилают, покрывают сверху вторым полотном, и закатывают в него войлок так, чтобы слой травянки находился сверху; после этого на травянку „натрусают“ вновь „лицо“ из натуральной шерсти и опять валяют. Обычно в этот момент в войлок сыплются от 1—2 ф. песку. Этот „секрет производства“ производится совершенно откровенно—в каждой мастерской заготовлено ведерко с песком, а возле мастерской зияет яма, откуда берут песок, — несмотря на то, что это делается исключительно с целью поднять вес войлока и в ущерб его плотности.

Сваленный войлок „выправляют“ на полотне, т.-е. загибают его края по мерке или вытягивают их. Скатанный кусок войлока—бот идет в стирку. Наготовив несколько ботов, войлокщик становится стирать их. Стирка заключается в том, что постепенно раскатывая бот на стирном лотке, войлокщик пропитывает войлок раствором пшеничной муки в воде. (20 ф. муки на 100 вед.) Раствор содержится в чугунном котле, вмазанном в печку, и представляет из себя мутную, зеленоватую, зловонную жидкость. Войлокщик черпает его ковшем, выливает на развернутую часть бота и рукой размазывает жидкость по войлоку. Постепенно раскатывая один край бота и закатывая другой, войлокщик пропитывает так весь войлок. Стирный лоток ставится наклонно, с наклоном от работающего, причем на противоположном от работающего краю устроен желобок, по которому вода стекает опять в котел. Таким образом в одном и том же растворе стирается не менее 100 штук войлока. Простиранный войлок кла-

На коллекции Гос. Музея
и г. Воскресенске, Моск. г.
Войлокщик, валяющий войлок. с. Лопотово.

дется на стёк, т.-е наклонный лоток, устланный соломой или рогожей. Боты уже без катков накладываются один на другой и лежат, стекая, сутки. Стекший войлок опять „правится“ на полотне, а затем его перекидывают на вешало—палку немногого длиннее самого войлока, а вешало укрепляют на вешалках, прятанных над печью. К вечеру печь затапливают, причем, когда она хорошо раскалятся, трубу закрывают, накладывают полную топку дров и уходят из мастерской. Получается топка по черному,—дым выходит в отверстие в потолке. В мастерской в это время t° доходит до 40° и выше, и войлока быстро сохнут. Хозяин мастерской следит, чтобы не было пожара (летом войлока сушат в сараях на сквозном ветру).

Пришедшие утром (собственно не утром, а в 12 час., ночи) войлочники „спускают пар“, т.-е. открывают двери и окна, чтобы накопившиеся при просыхании войлока испарения вышли и чтобы мастерская немного охладилась. Когда в мастерской установится переносимая t° — 35 — 36° —начинают работать. Высокие войлока снимают, укладывают в тюки, прессуют „жомом“, зашивают в рогожи и складывают в сарай до отправки.

Рабочий день в валяльной мастерской начинается между 11 ч. и 2 ч. ночи, т. к. t° в мастерской в это время наиболее благоприятна для валяния. В 6 час. утра идут пить чай—не домой, а в чайную, в 7—8 возвращаются и работают до 12, с 12—2 обедают по домам, а с 2 до 5—6 опять работают. После работы, обычно, отправляются в чайную. Работают в мастерской совершенно раздевшись, оставляя лишь картуз на голове,—не только потому что жарко, но и сберегая одежду—действительно, стоит пробыть в мастерской даже несколько минут, чтобы вся одежда была покрыта шерстяной пылью; тело работающих обливает густым слоем пыли; обмывается эта пыль только собственным потом, а перед тем, как одеваться, перед выходом, ее стряхивают руками. Кстати сказать: ни одной бани в Лопотове нет и моются в печах. Пребывание в такой атмосфере, совершенно перевернутые часы работы и сна должны сильно влиять на здоровье работающих: обследование 1880 г. указывает на распространенную болезнь войлочников „задоху“, не давая ей медицинского определения. Лопотово намечено в число селений, которые должны подвергнуться диспансеризации в 1926 г., но в настоящий момент серьезных данных о влиянии промысла на здоровье мы не имеем. Работать в войлочном производстве начинают с 9 лет, причем „ученичество“ заключается в том, что новичек присматривается к работе старших и пытается сам свалить войлок, переходя от одной стадии к другой: „не золото—не испортит“.

Осваиваются быстро: так через месяц—другой ребенок уже знает все моменты производства, но работая, обычно, при отце, выполняет лишь операции, доступные ему по силе: разборка шерсти, натrusка, мешонка.

Несложность производства и отсутствие разделения труда создают полную независимость друг от друга мастеров, работающих в одной мастерской. Но затраты на постройку мастерской (800—1500 р.) и топливо требуют, чтобы в ней работали не менее 4—6 человек. Поэтому владелец, не имеющий среди своей семьи достаточного числа работников—„пускает“ (местное выражение) к себе войлочников, не имеющих своей мастерской. Это скромное „пускает“ скрывает за собой обычные отношения эксплоатации наемного войлочника хозяином. Правда, войлочник рабочий никакими формальными договорами не связан с хозяином, *) но сильнее всяких договоров его держит невозможность работать без мастерской и непосильность расходов на ее постройку, так же, как сложность закупки сырья, и сбыта готового войлока. Закупка сырья требует, во-первых, больших средств, т.-к. кожевенные заводы не продают шерсть маленькими партиями; во-вторых перевозочных средств—не всякая „снасть“ (экипаж и сбруя) выдерживает дорогу в 120 в. в оба конца; а в последнее время еще и значительных хлопот, т.-к. кожевенные заводы перешли (по уверению войлочников) в ущерб качеству кожи и исключительно в интересах быстроты обращения товара) на очистку кож от шерсти натром, после чего шерсть превращается в полужидкую массу и спускается в стоки, не будучигодной ни к какой переработке. Это явление вызывало в 1925 г. уже сильное затруднение в сырье для войлочников, ими возбужден вопрос перед Московским Советом Народного Хозяйства о запрещении такого способа очистки кож,—но результаты пока неизвестны. Сбыт готового товара тоже сопряжен со значительными трудностями и совершенно недоступен мелкому одиночке: строительный войлок требуется целыми партиями, „поставить“ которую в короткий срок не может одиночка; привезенные несколько сот штук ему приходится продавать по москательным лавкам, тратя на это массу лишнего времени и теряя в цене; кроме того, доставка готового товара ложится на производство тем большим бременем, чем меньше партия. Еще один выход представляется одиночке—продать сваленный войлок кому-нибудь из крупных владельцев или специальным скопщикам из своих же крестьян. В Лопотове наиболее „популярна“ местная скопщица—„скупит возик, свезет в Москву, у ней там уже все известно, хоть и в валеных сапогах, а ей—пожалуйте! А насчет цены—уж конечно, отдашь только при нужде—вдвое дешевле дает“. Все эти условия и заставляют войлочника, не имеющего достаточного капитала (постройка 1.000 р.—сборот 500—800 р.) заниматься в чужую мастерскую.

*) работает он сдельно по 8—10 к. за 1 штуку $4\frac{1}{2}$ ф. войлока, время его работы определяется им самим: „Захотел—пришел, не захотел—не вышел, работал у одного, теперь у другого“.

где он обеспечен сырьем и не заботится о сбыте. Расплата с рабочими устанавливается сделная по 8—10 коп. за штуку. Для полноты картины приведем калькуляцию, составленную по указаниям бывшего крупного войлочника, ныне председателя Лопотовской артели:

На 1.000 шт. войлока идет 40 пуд. шерсти по 4 руб. 50 коп., а с доставкой по 4 р. 80 к.	192 р. — к.
85 п. травянки по 1 р. 90 к.	161 „ 50 „
5 „ муки по 2 р 80 к.	14 „ — „
топлива на 1 к. на 1 шт.	10 „ — „
доставка в Москву 1.000 шт. = 120 пуд. по 50 к. с 1 п.	60 „ — „
работа по 9 к. в среднем	90 „ — „
<hr/> Итого 527 р. 50 к.	

Продаются эти 1.000 штук в Москве за 650 р.

Нечего говорить, что все колебания в цене сырья или готового товара, будучи совершенно недоступными проверке со стороны наемных рабочих, отражаются на заработной плате далеко не в пользу последних. Достаточно указать, что Лопотовская артель, об'единяющая 10 человек, находит возможным, выплачивая жалованье председателю и откладывая в артельный фонд, выплачивать по 11—12 к. за штуку. Артель об'единяет 3-х владельцев мастерских и 7 человек наемных рабочих, причем председателем артели, как уже указывалось, является один из прежних „хозяев“. В этом сказалась характерная черта промысла: довольно сложная организационная сторона, требующая знакомства с рынком, умения вести довольно крупные операции по закупке и сбыту (войлока Лопотова идут не только в Москву, но и в другие города, на железные дороги), всегда требовала специального труда по организации производства. Поэтому и среди прежних хозяйствиков создался тип войлочника, который с детства работая в мастерской—к моменту, когда он становился ее хозяином, переставал уже быть непосредственным валялой, всецело занимаясь заготовкой и сбытом.

Этот факт вносил, конечно, заметное разделение Лопотовского населения на две обособленные группы хозяев и рабочих. Это разделение, коренясь в различной хозяйственной мощности, влечет за собой разницу материальной обстановки, бытового уклада, общественных симпатий и настроений. Но никакого оформленного выражения эта разница положения и интересов не получила ни до, ни после революции. Наемные рабочие войлочники совершенно не организованы, не умеют об'единяться и боятся борьбы. Надо сказать, что за всем этим районом держится слава темного в смысле не культурности и „хулиганского“.

но, шумно и пьяно спрашивающее праздники, Лопотово не обходится без драк. Между группами молодежи идут постоянные распри, иногда заканчивающиеся жестокими расправами: этим летом на „казанскую“ одного парня избили целой толпой и отрезали ему палец на одной руке; тогда же напали на присланную для поддержания порядка группу милиционеров.

Внешний вид Лопотова очень характерен для выражения таящихся в нем противоречий: широко раскинувшееся на левом высоком (коренном) берегу Истры, с просторной улицей посреди, оно дает целый ряд контрастов—рядом с покосившейся избой, тщательно украшенной старой резьбой—живет в ней старики, на все Лопотово поставляющий „розги“ для натруски шерсти,—двухэтажный „под железо“ дом на каменном фундаменте. Это братья Чуриловы, владельцы одной из крупных мастерской. Помиди селения—две чайных,—„на задах“ вытянулись в ряд приземистые мастерские. Все попытки санитарного надзора вмешаться в постройку мастерских, чтобы увеличить высоту, световую поверхность, отделить сушку от производства, пока что остаются безрезультатными. А страх потерять заработок заставляет и наемных войлочников, больше всего страдающих от тяжелых условий промысла, восставать против решительных мер санитарного надзора.

О значении промысла в жизни Лопотова можно судить и по характеру сельского хозяйства. Имеющий сейчас в среднем 3 д. пашни на хозяйство или 0,4 на едока, Лопотовский крестьянин ведет самое примитивное хозяйство. До революции полевая земля почти сплошь занималась под покос, притом совершило примитивный, и только голодные годы заставили обрабатывать землю и сеять рожь. Общественный покос настолько мал, что вызывает целый ряд иронических замечаний—„мы покосим! Хватит в телегу подослать“. Однако за этой охапкой идут всем обществом по звонку, шумно споря за полосы и торопясь увезти свою кучку, пока ее не подцепил сосед.

В современном положении промысла есть ряд вопиющих моментов, требующих самого тщательного внимания и возможно более быстрого разрешения. Это прежде всего вопрос об организации наемных рабочих войлочников.

Старые умелые мастера, немало сил потерявшие в тяжелой обстановке валяльной мастерской и не могущие выбраться из полной зависимости от владельцев мастерских—они нуждаются в кредите и организационной помощи для учреждения артели. Среди них царит такое недоверие друг к другу, в таком тумане перед ними все, что дальше их Лопотова, и вместе с тем такое тяжелое настроение безвыходной зависимости, которое не разрушили никакие перемены, что в целях и политических и хозяйственных одинаково необходима неотложная, но очень вдумчивая и серьезная помощь.

Не менее важный вопрос об изменении санитарных условий промысла—находится всецело в зависимости от той организационной формы, какую примет промысел, потому что только в условиях кооперированного и укрупненного производства может итти речь об изменении техники настолько, чтобы парализовать основные моменты вредности—пребывание в высокой т[°], ночные работы и пыль. То же самое нужно сказать и по поводу загрязнения реки, производимого мытьем шерсти. Требование установки шерстомойной машины сейчас было бы равносильно уничтожению промысла; недаром же этот вопрос ставится с 1892 г.—учреждение санитарных попечительств в районе Пятницкой лечебницы,—и не может найти себе разрешения. При возникновении крепкой артели производство выиграло бы и на моменте переработки джутовой тряпки в травянку.

В настоящий момент, как и прежде, травянку поставляет Рыбловский мельник, установивший при своей мельнице волчок (трепальную машину). Чувствуя себя монопольным поставщиком, он продает травянку, обходящуюся ему в 1 р.—1 р. 20 к. за 1 р. 90 к., притом часто сырую и недоброкачественную. Говорить о возможной роли артели в деле увеличения заработка войлочника много не приходится. Перед нами пример маленькой Лопотовской артели, которая выплачивает своим членам по 11 коп. за штуку, в то время как частный платит по 8 коп. Таким образом, с какой-бы стороны мы не подходили к промыслу—насущной его потребностью является организация занятых в нем кустарей для перехода на новые формы производства.

ГОНЧАРНЫЙ ПРОМЫСЕЛ.

Гончарный промысел, заключающийся в производстве глиняной посуды, гнездится в с. Максимовке Еремеевской волости, где им заняты 19 хозяйств из 27, и встречается в 5 хозяйствах соседних деревень Скориково, Сафоньево и Савкино.

Ассортимент изготавляемых изделий составляется в данный момент из 14—15 названий. (кринка, кувшин, рукомойник, кружка, горшок, миска, лоток, пирожная банка, корчага—для пива и белья—цветочный горшок, подонник, кадильница, детские песочники). Сырьем для производства является глина, добываемая в лесу в 3 х верстах от Максимовки по направлению на Степаньево. Добывают глину из ям, глубиною в 1½—2 арш.; она встречается не цельным пластом, а вкраинами, т.-что ее выкапывают кусками в ¼—1 пуд и сносят в одну кучу, которую потом и накладывают на воз*). Обычно глину копают по мере надобности, но перед бездорожьем делают запас. На год горшечнику в среднем

*) Выкапывание глины сопряжено с некоторыми опасностями—несколько лет тому назад обвалившейся глиной задавило старика горшечника.

требуется пудов 200 глины. Привезенную глину, в виде комьев, складывают на полу в сенях мастерской или в неглубокую (1 арш.) яму, выкопанную в сенях или во „дворе“, неподалеку от мастерской. Работает горшечник в особой мастерской, отопляемой „по черному“. По рассказам горшечников лет 20 тому назад все они работали в жилых избах, а т.-к. для обжига нужна печь без трубы, то избы все были курными. Постройка белой избы связывалась с отделением мастерской от жилья, причем обычно мастерской становилась старая изба, перенесенная с переднего плана вглубь усадьбы. Последний горшечник, работавший и живший в одной избе (Сергей Федоров), построился „по белому“ всего четыре года тому назад. Постройка новой мастерской в настоящий момент оценивается горшечником в 300 р. Обычные размеры такой мастерской 7×8×3 арш.

Оборудование мастерской состоит из печи, топящейся обязательно по черному, „полатей“, т.-е. досок, настеленных с промежутками под потолком для просушки посуды, лавок вдоль стен, иногда стола и гончарного круга. Максимовские горшечники употребляют сейчас, и по их воспоминаниям употребляли всегда, „исстари“, ножной круг. Круг делают столяры с. Никольского и Ефимоново; в настоящий момент изготовление такого круга из материала заказчика стоит 3 р. Служит круг от 3 до 10 лет.

Ножной круг состоит из двух кругов: верхнего 39 сант. в диаметре, 5 сант. толщиною и нижнего 59 сант. в диаметре, толщиною в 5 сант.; круги укреплены горизонтально, параллельно друг другу на расстоянии 40-45 сант., 6 или 8 осьми, поставленными или совершенно отвесно или с небольшим наклоном к центральной оси. Верхний круг с верхней стороны имеет совершенно гладкую поверхность, а с нижней в центре его выдается сантм. на 2 металлический заостренный стержень, опирающийся на небольшое углубление в центральной оси. Центральная ось—деревянный круглый бруск длиною 50 сант.—проходит сквозь нижний круг и укрепляется неподвижно (или путем вбивания в землю сквозь пол мастерской, или прикреплением к толстой доске „лапке“—прибитой наглухо к полу мастерской). Если отверстие в нижнем круге слишком велико для оси и круг „болтается“—ось в этом месте обматывают пенькой или оческами льна. Во время работы для того, чтобы круг легче шел, ось у нижнего круга смачивают водой, а верхний металлический стержень смазывают растительным маслом.

В качестве инструментов в производстве употребляется деревянный ножичек—„клепик“, „клинушеч“ или „оправка“: нитка или проволока для подрезания дна, когда готовая посуда снимается с круга; лоскут овечьей кожи для заглаживания наружной поверхности изделий, обломок косы для „прорезания“ глины. Таким образом—весь инструмент „собственного производства“ и оценивается в 3 р., ремонта почти не требует. Процесс производ-Кустарный промысел.

Изделия Максимовских горшечников 1924 г.

Рукомойник.

Кранка.

Ваза

Кувшин
для масла.

Горшок.

Гончар за кругом. А. Максимовка.

Из коллекции Гос. Музея
г. Бахчисарая. Ф.

ства заключается в следующем: глину, в количестве 1-2 пудов, минут босыми ногами на полу мастерской, поливая ее водой. При этом из нее выбирают камушки и всю постороннюю примесь.

Затем ком глины, фунтов в 30 весом, скоблят обломком косы или, по выражению горшечников, прорезают на ломтики „тоньше березового листика“; проскаблив ком, кладут его на лавку и месят, как месят тесто: раскатывают, собирают в ком, опять раскатывают. При этом требуется большое напряжение сил, иначе глина будет недостаточно эластична. Окончив заготовку глины, горшечник скатывает из нее длинный бруск и отделяет от него комья, размер которых зависит от того, какую вещь решил он делать. Эти комья складываются на скамье справа от круга. Слева ставится на скамье миска с водой. Горшечник садится за круг так, чтобы он пришелся между его ног, смачивает руки водой, поливает водой основание оси, верхний круг и положив на него один из заготовленных комьев глины начинает лепить посудину, ногами вращая круг, а руками выдавливая и вытягивая стенки посуды. Вращение круга производится движением обеих ног. Круг вращается против часовой стрелки причем левая нога подталкивает его к себе пальцами, а правая пяткой отталкивает его от себя. При взгляде на работающего горшечника прежде всего бросаются в глаза взлетающие босые ноги. Некоторые врашают круг и против часовой стрелки и „встречу“ т. е. в обратную сторону, если хотят исправить искривившуюся посуду. Но это считается уже ухищрением—„мертвого с погоду не воротишь“. Быстрота вращения круга не одинакова во время работы: сначала вращение идет медленно, все ускоряясь при отделке. Крупные вещи (корчаги) делаются при медленном вращении круга. Обе руки горшечника участвуют в лепке. Одну (попеременно) он держит внутри делаемой посудины, другой, снаружи, горшечник держит лоскут мокрой овечьей кожи, которая обивая врашающуюся посудину—„тянет глину“—заглаживает поверхность.

Глина настолько эластична, что при просовывании руки в работаемую, напр., кринку, кринка сплющивается, пропуская руку и затем принимает прежнюю форму, когда руку вынимают. Стенки вырабатываемой посуды должны быть равномерной толщины, иначе посуда треснет в обжиге. Утолщение, нашупываемое горшечником в стенах посуды „гонится“ им в виде волны кверху посуды, пока не „разойдется“. Сужение к горлышку посуды достигается движением пальцев, образующих суживающееся кольцо, заставляющее глину принять такую же суженную форму. Чтобы уяснить себе темп работы на круге укажем, что кринку среднего размера (на 5 кружек) горшечник делает 6—7 минут. Сработанную посуду горшечник подрезает ниткой, чтобы отделить от круга и затем бережно обхватив ее снизу ладонями рук снимает с круга и ставит на лавку, слеза от себя. Носики, ручки приделываются минут через 10—15, когда посуда немного пооб-

сохнет. При выработке любой формы употребляются те же приемы, причем основным движением рук является выдавливание и вытягивание стенок посудины из цельного кома. Крупные корчаги лепятся стоя, с большим напряжением сил, так что малосильные старики не берутся уже за корчаги; хороший горшечник делает их не более 8 в день. Орнамент наносится на посуду острым концом клепика. Слепленная посуда расставляется горшечником для просушки на полати—(„полки“). Там она стоит дня 3.

После просушки посуда обжигается. Поливная посуда перед обжигом покрывается до половины (сверху) суриком. Порошок суртика в сухом виде наносится на глину кусочком хлопка или мягкой овчины.

Обжигание происходит либо в печи, либо в горне. По объяснению горшечников, горн делается потому, что летом в мастерской слишком жарко работать, если обжигать в печи; что горн безопаснее печи в смысле пожара и требует меньшего внимания, чем сжиг в печи. Но устройство горна не освобождает горшечника от необходимости иметь печь, так как для целей сушки посуды все равно требуется печь. По указанию Максимовских горшечников горны стали делать позднее печи. *)

Гончарную печь ставит сбоку горшечник сам. Она кладется в 2 кирпича, чтобы не так раскалялась снаружи; ставится она прямо „с материка“; снаружи она имеет вид обычной русской печи, топящейся по черному—без трубы, но имеет и некоторые отличия; по бокам чела, немного выше его устроены два отверстия—отдушина, для выхода дыма; „под“ установлен вдоль печи в два ряда кирпичами, сложенными на ребро, что образует как бы 3 желобка на полу, выходящие своими отверстиями на шесток. Для обжига на эти кирпичи кладутся, поперек, штук 15 полуторааршинных полен, а на них ставится предназначенная для обжига посуда в количестве 100-200 штук средних размеров. Когда посуда вставлена, печь затапливают, всовывая в упомянутые желобки „растопку“—тонкие высушенные поленца. От них загораются поперечные плахи, посуда раскаляется и имеет вид прозрачного раскаленного до бела железа. Дым и пламя выходят через чело и отдушины в мастерскую, а оттуда через особую деревянную трубу—вытяжку, устраиваемую обычно в самом дальнем от печи углу мастерской. Топка печи тянется часа 4 и все время регулируется подкладыванием новых поленец, закрыванием (кирпичами) отверстий желобков, играющих роль поддувал. В это время в мастерской настолько жарко и „тяжко“, что стоять во весь рост нельзя—дым и тепло скапливаются вверху и горшечник сидит на корточках на полу перед пылающей печью и следит за топкой. В мастерской во время обжига всегда запасена вода на случай пожара; пожары возникают обычно от того, что воспламеняется сушащаяся на печи „растопка“, хотя ее и заграживают листом железа.

*) Вопрос этот еще требует исследования.

Горн—в местном произношении горен—делается под открытым небом, обычно в склоне горы, шагах в 70-100 от строений. Горн состоит из круглой ямы, несколько суживающейся кверху, аршина в 1 $\frac{1}{2}$ -2 глубиной, диаметром в нижней части в 2-2 $\frac{1}{2}$, аршина. Яма выложена кирпичем. В „поду“ имеются отверстия. Под „подом“ проходят теплопроводы, идущие из топки, которая находится не под ямой, а несколько сбоку и выходит своим отверстием на площадку, расчищенную в склоне горы ниже отверстия горна.

При закладке посуды в горн горшечник прыгает в него и тщательно укладывает посуду так, что бы она не закрывала отверстий в поду; чтобы предохранить посуду от непосредственного действия пламени, прорывающегося через отверстия, отверстия эти сбрасывают черепками битой посуды. Наложив нижний ряд, горшечник вылезает из горна и лежа на земле, наклонившись в горн сверху, укладывает остальные ряды. Сверху посуда покрывается слоем битых черепков. Обжиг в горне тянет-ся часов 7-8, причем все время в топку подкладывается дрова.

После обжигания, как в горне так и в печи, посуда остывает часов 12-14; обычно это приходится на остаток дня и ночь, а утром ее вынимают. Вынимают посуду руками, если она совсем остывла или палкой „рычажком“, если она еще горячая; вынутая посуда сразу накладывается на воз, тщательно перекладываемая сеном.

Как видно из описанного процесса производства непосредственно лепка посуды составляет лишь часть производства; по выражению горшечников „два дня лепишь посуду, а 4 дня ходишь за ней“. Момент обжига является определяющим для оценки удачности работы—именно в момент обжига определяется брак: потрескается неравномерно вытянутая посуда, неаккуратная топка со слишком резкими переходами тоже вызывает трескание посуды; наконец, самое закладывание в печь и затем вынимание сопряжено с боем. Нормальным считается 20 проц. брака. Брак никак не используется, и является прямым убытком.

Из рабочего времени горшечника большую частью отнимается еще время на развоз посуды по деревням. Таким образом, собственно рабочее время может быть определено 4 днями в неделю по 10-12 часов. В „сезон“ рабочий день удлиняется до 14—16 часов.

Сезон наиболее горячей работы наших горшечников определяется характером их изделий: молочная кринка—основное произведение горшечника, требуется в местном хозяйстве больше всего в период массового отела коров, т. е. с февраля месяца по май. Конец зимы и весна являются периодом оживленной работы. Самое глухое время лето и осень, что совпадает с интересами горшечников, как крестьян, ведущих сельское хозяйство. Хозяйство это является типичным для района Ерем. вол.—с копиче-

ством пашни на хозяйство в среднем в 3 десятины, что дает на едока 0,36 до 0,40 десятины, с преобладанием однолошадных и однокоровных хозяйств.

В этом хозяйстве заработка от промысла играет существенную роль, несмотря на то, что абсолютные его размеры не велики: горшечник, вырабатывая в неделю (в сезон работы) в среднем сто штук посуды выручает за нее при продаже 25-35 рублей; непосредственным расходом на производство является лишь покупка сурока, которого в неделю идет 10-12 ф. т. е. на сумму 5 6 рублей. Расход на освещение не превышает 2 р., дрова—но о дровах „история умалчивает“—кругом лес—„неужели покупать“? Таким образом, в виде заработка остается в неделю около 20 р. или, принимая во внимание число рабочих недель в году, 425 р. в год. Больным местом в вопросах сбыта является не затрудненность его, а постоянная конкуренция фабричной металлической посуды, заставляющая снижать цены при той же затрате труда и материалов.

Продажа посуды производится горшечниками по базарам: в г. Воскресенске—по субботам; в Павловской Слободе и Гучкове—по субботам; по ярмаркам и, наконец, просто в развоз по деревням. Радиус этих обездов достигает 35-40 верст, охватываемый район простирается от Звенигорода до ст. Крюково и от окрестностей Волоколамска до подмосковных селений.

Сычно маршрут горшечника традиционен: сын ездит в сторону, куда ездил отец, дед и прадед. Поездки тянутся по 3-4 дня—„пока не продашь“. Едут по деревне и кричат: „горшки, кринки, синюшки“. Для каждого покупателя останавливаются и разрывают весь воз, чтобы найти требуемую вещь—иногда пятикопеечный горшочек.

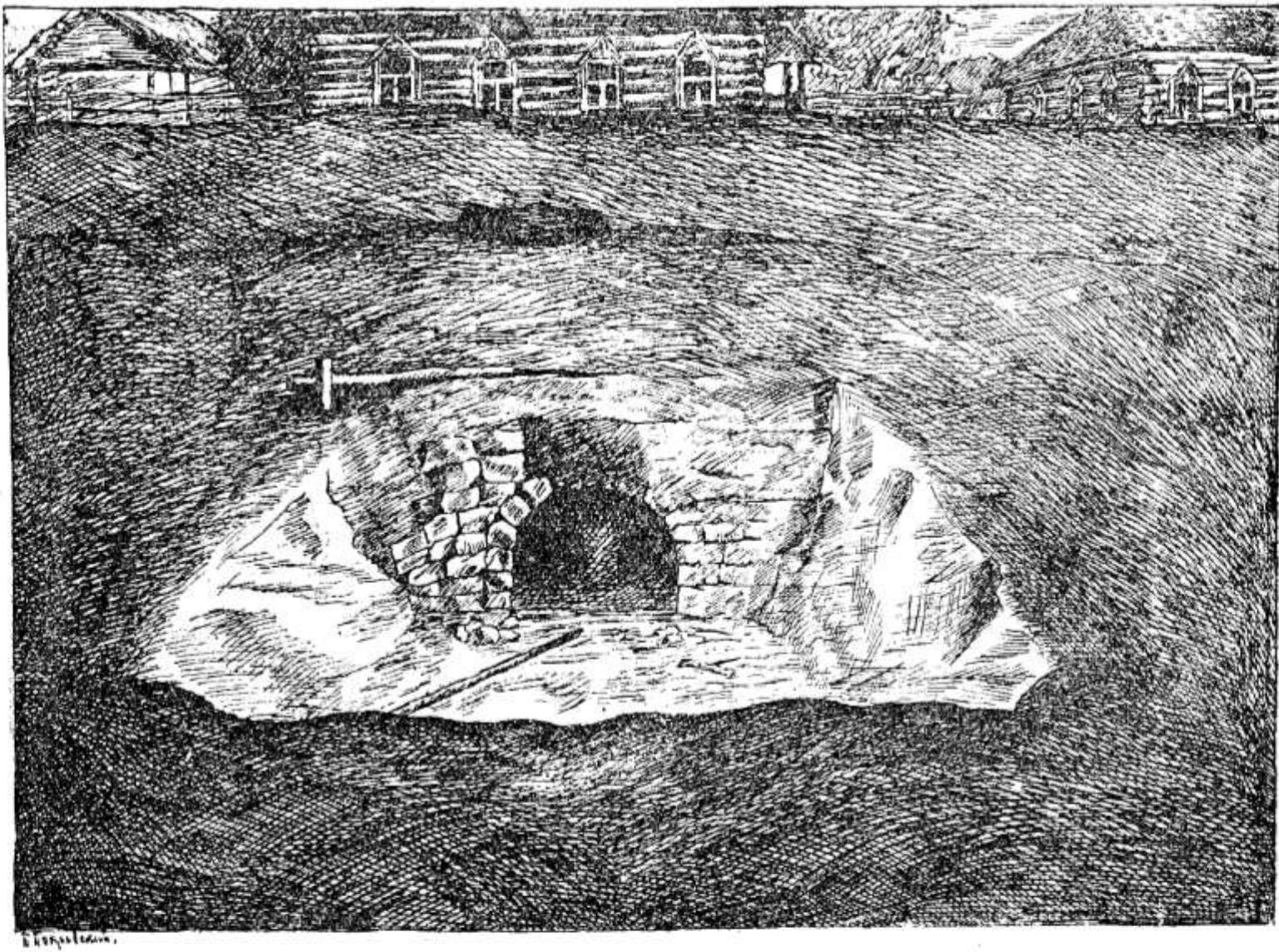
Такие условия промысла, когда приходится надолго отрываться для сбыта изделий, делают невыгодным ведение промысла одиночкой. Большею частью работает семья—мужчины готовят глину и лепят посуду, женщины следят за обжигом (и в всегда, но случается), помогают в продаже*).

Наёмный труд совершенно не применяется и не применялся прежде. В ученыи живут „свои“, или дети односельчан, обучение считается очень сложным и выучить можно только с большим старанием („шибко принудительно“) в год.

Наши гончары не имеют „писаной“ истории. Слишком незначительное распространение промысла и не затейливость его изделий делали его мало интересным для исследователей Московской губернии в целом. Между тем, для края именно этот промысел является одним из интереснейших.

Рутинность его техники, сохраняющей неизменные приемы на протяжении столетий, дает возможность и без писанных документов проследить и восстановить историю промысла, во всяком

*) В приводимых в таблицах цифрах в числе занятых промыслом лиц показаны только сами горшечники.

Гора для обжига посуды. д. Максимовка.

Из коллекций Гос. Музея
г. Воскресенск. Моск. г.

случае некоторые ее моменты. Так, употребление нашими гончарами „исстари“ ножного круга, в котором этнографы усматривают определенный белорусский тип, протягивает ниточки связи между возникновением промысла и постройкой Воскресенского монастыря (вторая половина XVII века), когда привезенные Никоном литовские мастера „ценинного дела“ тут же в выросших наспех заводах изготовляли цветной изразец. Находимые во множестве при археологических раскопках остатки славянской керамики XII века ставят вопрос о возможном зарождении гончарного дела еще в ту отдаленную эпоху, когда наш край впервые заселялся славянами, но пока это еще неразрешенный вопрос.

Самая техника промысла при примитивности его оборудования носит в себе творческие начала, т. к. основную роль несомненно играет мастер, ловкость его пальцев, умение придать послушной его движению глине любую форму без всяких моделей и указаний. Правда до сих пор ни требования рынка, ни эстетический уровень самого горшечника не побуждали к созданию художественных форм, скорее, как уже указывалось выше, вели к упрощению формы, но будущее горничарного промысла лежит именно в совершенствовании формы, в переходе на изделия художественные, где конкуренция фабричного производства не сможет победить кустаря. К этой мысли приводят, во первых, непосредственные наблюдения над процессом производства, когда из под рук кустаря, совершающего едва уловимые движения пальцев, в течении 5-6 минут выходит затейливой формы глиняная посуда (курилка для пчел, цветочная банка, жбанчик для масла широкий с узеньким горлышком). В этом же убеждает нас и рассмотрение эволюции промысла. Переживавший (по рассказам кустарей) период упадка перед войной, сильно оживившийся в годы промышленного кризиса 1918-1921, и начинающий сокращаться сейчас, горшечный промысел находится в явной связи с наполнением рынка фабричной посудой. Несравненно более прочная, гигиеничная и отвечающая требованиям современной печи (примус!!) металлическая посуда уступает глиняной только в цене. Такие годы как 1918-1921 г., характеризовавшиеся отсутствием товаров, повысили спрос на глиняную посуду. Максимовка расцвела за годы „голода“ — выросли новые дома, не переставая дымились горны и (характерно!!), молодежь, далеко не благосклонно относившаяся к промыслу при выборе профессии, уселись за круг. Стали „учиться“ даже 22 летние парни. Но прошли годы кризиса, появилась, подешевела металлическая посуда и опять круг потребителей изделий нашего горшечника свелся к крестьянским хозяйствам окружных деревень, а среди изделий прежнее первое место заняла молочная крынка. Перед промыслом два пути — либо оставаясь на старых формах изделий итии к медленному, постепенному умиранию, которое придет с заменой

глиняной крынки стеклянной посудой, либо отвоевать себе самостоятельное место на рынке, обеспеченное художественностью и оригинальностью формы от конкуренции фабричного изделия.

По какому пути пойдет промысел — трудно сказать. С одной стороны мы имеем тот факт, что молодежь охотно переходит на другие профессии, с другой — пережитые годы именно Максимовке ярко показал жизнестойкость промысла, основанного на местном сырье. Вопрос об ознакомлении нашего горшечника с иными формами изделий затрудняется тем, что вообще горизонт его самыми условиями его производства ограничивается местной обстановкой: совершенно не связанный с Москвой, сохраняющий чисто семейную форму производства, имея дело непосредственно с крестьянским потребителем — Максимовский горшечник не выходит из рамок своей деревенской обстановки. Если припомнить при этом технику производства, заставлявшую почти до наших дней целую деревню в 60 верстах от Москвы жить в курных избах в страшной грязи, ходить в одежде, облепленной толстым слоем глины — понятно станет вся трудность перехода к новым формам.

Конечно, годы революции не прошли бесследно и в Максимовке, особенно в связи с переживавшимся ею подъемом промысла. Отстроенная заново с просторными домами она выглядит совсем иной. Но чего не преодолела и революция — полной обособленности каждого хозяйства, совершенного отсутствия кооперативного начала. Есть только общие горны, да и то не совместные, а принадлежащие одному хозяину, который „по соседски“ пускает приятеля или родственника обжечь посуду. Ни закупка сурнка (в Воскресенске), ни тем более продажа посуды никак не обединены и, например, по субботам потянутся на Воскресенский базар один за другим воза отдельных хозяев, хотя бы на каждом было десятка 3—4 горшков. В основе этого „индивидуализма“ лежит недоверие друг к другу и затруднительность твердой расценки товара, при его мелкости, хрупкости и индивидуальных качествах работы каждого мастера.

Подводя итоги мы можем сказать, что настоящее положение горшечного промысла в Воскр. у., являющегося типичным старинным промыслом, выросшим и развившимся на местном сырье, настоятельно требует разрешения вопроса о возможности перехода промысла на иные формы изделий, где конкуренция фабричной посуды не обесценивала бы труд кустаря а вложенное в производство творческое начало находило бы художественное выражение.

Перед нами прошли пока лишь три из основных промыслов нашего уезда*), они характеризуют нам основные типы наших промыслов: связанный с Москвой сырьем и сбытом изделий; связанный сбытом изделий и переживший эволюцию от местного сырья к привозному; замкнутый местный промысел, выросший на местном сырье и потребностях местного рынка. Характерно, что в то время, как о первых шагах промыслов, связанных с „внешним“ рынком существуют воспоминания или хотя бы легенды,—о прошлом стаиннейшего местного промысла народная память, не находя вероятно в нем отдельных ярких „моментов“, не сохранила для нас никаких воспоминаний.

Пример этих трех промыслов со всем разнообразием их техники, хозяйственной организации, положения труда, больных вопросов и нужд, лишний раз подтверждает необходимость внимательнейшего индивидуального исследования каждого из них, как для ученого, ищущего в своих наблюдениях ответа на поставленные наукой вопросы, так и для активного участника в современном строительстве, а значит и для краеведа, который путем научного изучения подготовляет материал для наиболее успешного разрешения назревших вопросов жизни своего края.

ТАБЛИЦЫ.

*) Недостаток средств лишает Музей во возможности увеличить размер настоящей брошюры. Работа по изучению и описанию остальных промыслов продолжается (часть закончена) и при более благоприятных условиях будет напечатана.

УЧАСТИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСКРЕСЕН-

1898 г.

1924 г.

№ по пор. Наименование волостей.	Селений.			Л и ц.			Селений.			Хозяйств.		
	Всего.	Зан. пром.	Прп. зан. пром.	Всего.	Занят. промыс.	Прп. зан. пром.	Всего.	Занят. пром.	Прп. зан. пром.	Всего.	Занят. пром.	Прп. занят. промыш.
1. Еремеевская	50	50	100	9123	3282	36	50	34	68	2258	449	19,9
2. Лучинская	47	45	95	7248	607	8	47	47	100	1705	222	13
3. Мамошинская	34	22	64	6033	175	3	34	20	59	1319	37	1,9
4. Никольская	36	31	86	6766	286	4	36	29	80	1295	89	6,9
5. Н-Петровская	45	29	64	5751	192	3	46	20	43	1211	64	5,3
6. Павловская	53	43	81	11691	1778	15	57	28	50	3197	299	9,4
7. Пятницкая	49	46	94	7958	866	11	51	27	53	1861	133	7,1
ПО УЕЗДУ	314	266	85	54570	7186	13	321	205	64	12846	1293	10

СКОГО УЕЗДА В МЕСТНЫХ ПРОМЫСЛАХ.

Таб. № 1.

1925 г.

ЛИЦ.	СЕЛЕНИЙ.			ХОЗЯЙСТВ.			ЛИЦ.				
	ВСЕГО.	Занят. промыс.	Прп. зан. промыс.	ВСЕГО.	Занят. промыс.	Прп. зан. промыс.	ВСЕГО.	Занят. промыс.	Прп. зан. промыс.		
11943	519	4,3	50	43	86	2377	828	34,8	12833	1084	8,4
10019	250	2,5	49	44	90	1860	496	26	10568	652	6,1
7386	37	0,5	34	31	91	1402	206	14	7436	236	3,1
7628	103	1,4	36	35	97	1454	303	20	7656	403	5,2
6538	68	1	46	35	76	1298	180	14	7023	198	2,8
20674	409	2	57	47	82	3958	708	18	20655	1043	5
9764	191	2	51	22	43	1910	238	12	10027	264	2,6
73952	1577	2	323	257	80	14259	2959	20	76198	3880	5

Распределение по профессиям и волостям кустарей и

Название профессии.	Еремеевск.			Лучинская.			Мамошинская.			Никольская		
	Число зан. пром.			Число зан. пром.			Число зан. пром.			Число зан. пром.		
	Сел.	Хоз.	Лиц.									
Столяры	23	454	599	28	121	153	9	13	14	8	8	10
Плотники	7	22	29	9	19	19	11	35	41	7	23	23
Резчики	5	10	12	2	3	3	—	—	—	—	—	—
Токаря	4	5	5	—	—	—	2	2	2	7	32	43
Колесники	2	2	2	1	1	1	3	4	4	—	—	—
Бондари	1	1	1	7	18	19	3	3	3	6	15	25
Бочары	—	—	—	2	21	33	—	—	—	—	—	—
Драночники	—	—	—	1	1	3	—	—	—	—	—	—
Угольщики	—	—	—	2	2	4	—	—	—	5	22	22
Саники	—	—	—	1	4	4	1	1	1	—	—	—
Пильщики	—	—	—	—	—	—	4	8	10	6	55	78
Корзиночники	—	—	—	1	1	1	—	—	—	1	1	1
Игрушечники	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ящечники	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3	3
Чемоданщики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1
Щеточники	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего по обработ. дерева	31	495	649	34	191	240	20	66	75	25	160	208
Кузнецы	6	7	11	10	22	40	10	17	23	10	15	26
Слесаря	3	5	5	6	12	15	2	2	2	—	—	—
Медники	1	1	2	4	5	5	—	—	—	—	—	—
Ведер.-жест.-паял.	1	2	4	3	3	5	1	1	1	3	4	4
Металотяччи	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Серебрянники	—	—	—	1	2	2	1	1	1	—	—	—
Токарь по металу	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2
Блоичник	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—
Всего по обработ. металла	9	15	22	19	45	68	12	21	27	11	20	32
Сапожники	28	87	102	28	55	62	17	50	52	19	38	46
Башмачники	12	47	78	13	64	111	4	8	8	13	31	52
Штибастчики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Заготовщики	3	5	7	9	30	44	1	1	1	—	—	—
Портные	16	33	33	13	32	37	16	30	33	10	16	19
Белошвейки	2	6	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Картузники	1	1	1	—	—	—	2	2	12	—	—	—
Всего по произв. предм. одеж. и обув.	36	179	229	37	181	254	24	91	106	26	85	117

Таб. № 2

Распределение по профессиям и волостям кустарей и

Название профессий.	Бремеевск.			Лучинская.			Мамошинская.			Никольская		
	Число зан. пром.			Число зан. пром.			Число зан. пром.			Число зан. пром.		
	Сел.	Хоз.	Длц.									
Чулочницы	17	68	76	9	47	61	—	—	—	6	17	23
Войлокчики	—	—	—	—	—	—	1	1	1	3	3	5
Тепловальцы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	2
Шерстобойи	—	—	—	—	—	—	1	2	2	—	—	—
Веревочники	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего по обработ. волокн. веществ	17	68	76	9	47	61	2	3	3	9	22	30
Коробочники	—	—	—	6	12	17	—	—	—	1	1	1
Пакетчики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего по обраб. бумаги.	—	—	—	6	12	17	—	—	—	1	1	1
Гончары	4	26	41	2	2	3	—	—	—	—	—	—
Шорники	—	—	—	2	2	2	3	3	3	2	2	2
Овчинники	2	2	2	3	7	7	—	—	—	—	—	—
Лакировщики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Футлярщики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего по сработ. кожи.	2	2	2	5	9	9	3	3	3	2	2	2
Зубочисточники	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	—	—
Малари и крас.	2	2	2	3	24	27	8	16	16	—	—	—
Печники	1	1	1	1	3	3	2	2	2	1	1	1
Кслодезинчики	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—
Охотн. и рыболов.	1	1	1	1	1	1	—	—	—	3	12	12
Огород. и садов.	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Извозч. водевозы	3	7	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Обойщики и драп.	—	—	—	1	1	1	1	1	1	—	—	—
Конопатчики	—	—	—	—	—	—	2	2	2	—	—	—
Скупка сена	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Прессовка сена	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Часовщики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пескарь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Возка гравия*)	1	10	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего прочих . .	7	22	32	5	30	33	9	22	22	3	13	13
Итого по всем профессиям.	43	807	1051	44	517	685	31	206	236	35	303	403

*) По некоторым условиям обследования данные о возке гравия

(Продолж. таб. № 2).
ремесленников Еоскресенского уезда по данным 1925 г.

Н.-Петровская.	Павловская.			Пятницкая.			П О У В З Д У.					
	Число занят.			Число занят.			Приход. зан. пром.			Число занят.		
	Число зан. пром.	На 100	На 1.000	Сел.	Хоз.	Длц.	Сел.					
4	6	6	4	97	101	—	34	235	267	15,2	17	2,87
2	2	2	1	1	4	—	1	67	82	0,3	4	1,6
—	—	—	—	—	—	—	7	7	12	2,2	0,35	0,16
—	—	—	—	—	—	—	1	2	2	0,3	0,2	0,03
—	—	—	—	—	—	—	1	2	2	0,3	0,2	0,03
6	8	8	5	98	105	1	49	313	365	15,1	21,75	4,15
1	1	1	1	1	1	—	7	13	18	2,2	0,9	0,23
1	1	1	1	1	1	—	2	2	2	0,6	0,2	0,13
1	1	1	1	1	1	—	9	15	20	2,8	1	0,26
1	1	1	1	1	14	—	8	30	59	2,5	2	0,77
2	2	2	1	13	30	—	10	22	39	3,1	2	0,51
—	—	—	1	1	1	2	8	12	13	2,5	0,8	0,17
—	—	—	4	17	81	—	4	17	81	1,2	1	1,05
—	—	—	1	7	7	—	1	7	7	0,3	0,6	0,09
2	2	2	6	38	119	2	22	58	140	6,8	4,4	1,82
1	1	1	—	—	—	2	2	2	2	0,6	0,2	0,03
3	3	3	4	8	10	2	22	58	63	6,7	4	0,82
4	10	10	1	1	2	—	10	18	19	3,1	1	0,25
—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1,3	0,07	0,01
—	—	—	—	—	—	—	5	14	14	2,4	1,2	0,19
1	1	1	3	—	—	—	2	2	4	0,6	0,14	0,05
2	6	6	6	—	—	3	6	6	7	2,5	1,2	0,25
—	—	—	—	—	—	—	2	2	2	0,6	0,2	0,03
—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	0,3	0,07	0,01
—	—	—	—	—	—	—	1	2	2	0,3	0,2	0,03
1	1	1	1	2	2	—	2	3	3	0,6	0,3	0,04
—	—	—	2	5	8	—	2	5	8	0,6	0,5	0,10
—	—	—	3	3	3	—	4	13	23	1,2	1,2	0,3
7	25	27	5	19	25	4	11	11	40	142	163	12,4
35	180	198	47	708	1043	22	238	264	257	2959	3880	80
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	200	50	—

явилась значительно преуменьшенными.

Определение относительной
по дан. обследован. 1925

Название профессий.	Число сел. зан. пром.	В этих селениях хоз.		
		ВСЕГО.	Занят. промыслами.	Зан. дан. пром.
Столяры . .	60	4.907	1.657	759
Плотники . .	48	2.864	790	133
Резчики . .	9	559	309	16
Токаря . .	15	752	239	52
Колесники . .	11	697	221	14
Бондари . .	23	1.203	308	48
Бочары . .	2	63	38	21
Санники . .	2	75	24	5
Корзиночники . .	3	137	29	3
Игрушечники . .	4	272	84	36
Чемоданщики . .	1	78	10	1
Ящечники . .	2	348	88	9
Щеточники . .	1	31	10	1
Драночники . .	1	51	16	1
Пильщики . .	10	494	138	63
Угольщики . .	14	437	96	44
Кузнецы . .	65	4.572	1.055	133
Слесаря . .	25	2.129	453	101
Медники . .	12	1.235	375	14
Ведерники-жест. паял.	12	717	181	17
Металлоткачи . .	8	327	85	63
Серебряники . .	2	87	23	3
Токаря по мет.	1	65	24	1
Блочники . .	1	25	16	1
Овчинники . .	8	392	161	12
Шорники . .	10	531	188	22
Лакировщики . .	4	262	44	17
Футлярщики . .	1	34	17	7

распространенности каждого промысла.
года.

Таб. № 3.

В этих селениях лиц.	Проц. хоз. занят., дан. пром.			Проц. лиц занят., дан. пром.		
	К числу хоз.			К числу лиц.		
	ВСЕГО.	Занято промыслами.	Зан. дан. пром.	В лан. сел. в этих селениях.	Зан. в этих сел. пром.	В уезде занят. пром.
25.928	2.100	974	15,5	45,8	25,65	3,8
15.152	1.017	154	4,6	16,8	4,50	1
2.963	429	20	2,9	41	0,54	0,7
4.216	332	71	6,8	21,8	1,76	1,6
3.676	265	14	2	6,3	0,48	0,4
6.352	427	61	4	15,6	1,63	1
369	57	33	33,3	55,3	0,72	9
407	29	5	6,7	20,9	0,18	1,2
655	32	3	2,2	10,3	0,10	0,5
1.371	123	37	13,2	42,8	1,22	2,7
420	18	1	1,3	10	0,03	0,2
1.727	163	9	2,6	10,2	0,81	0,5
161	14	1	3,2	10	0,03	0,6
282	21	3	2	6,2	0,03	1,1
2.607	190	88	12,8	45,7	2,14	3,4
2.355	101	46	10	45,8	1,42	1,9
21.146	1.406	234	2,9	12,6	4,49	1,1
11.313	671	154	4,7	22,3	3,41	1,3
6.403	518	16	1,1	3,8	0,48	0,2
3.821	227	22	2,4	9,3	0,58	0,5
1.767	88	63	19,3	74,1	2,13	3,6
457	26	3	3,4	26,4	0,10	0,7
368	34	2	1,5	4,1	0,03	0,5
169	25	1	4	6,2	0,03	0,6
2.229	189	13	8,1	7,4	0,40	0,6
2.770	165	39	4,1	16	0,74	1,4
1.358	118	81	6,5	38,6	0,58	6
156	18	7	17,6	35,3	0,24	3,8
2.229	189	13	8,1	7,4	0,40	0,6
2.770	165	39	4,1	16	0,74	1,4
1.358	118	81	6,5	38,6	0,58	6
156	18	7	17,6	35,3	0,24	3,8

Продолж. таб. № 3.

Название профессий.	Число сел. зан. пром.	В этих селениях хоз.		
		ВСЕГО.	Занят. промышламч.	Зан. дан. пром.
Сапожники . .	136	7.663	2.055	348
Башмачники . .	65	3.280	944	285
Штиблетчики . .	1	31	5	1
Заготовщики . .	14	910	299	37
Портные . .	88	4.930	1.122	181
Белошвеи . .	2	162	31	6
Картузники . .	4	331	81	4
Чулочницы . .	34	2.129	912	235
Войлокчики . .	1	192	69	67
Тепловалы . .	7	299	66	7
Шерстобой . .	1	27	5	2
Веревочники . .	1	20	3	2
Коробочники . .	7	420	159	13
Пакетчики . .	2	205	51	2
Гончары . .	8	557	165	30
Зубочисточки . .	2	78	23	2
Маяры и крас. .	22	2.022	456	58
Печники . .	10	661	189	18
Колодезники . .	1	38	10	1
Охотники и рыболовы .	4	243	76	14
Огородники и садов. .	2	196	56	2
Извозчики и водовоз. .	7	510	108	19
Обойщ. и драпир. .	2	168	65	2
Конопатчики . .	2	148	37	2
Скупка сена . .	1	40	7	1
Пресовка сена . .	1	180	50	2
Часовщик. . .	2	491	114	3
Пекарь . . .	2	461	183	5
Возка гравия . .	4	393	187	13
Всего по уезду . .	257	12.056	2.959	2.959

ВСЕГО.	В этих селениях лиц.		Проп. хоз. занят. дан. пром.		Проп. лиц занят. дан. пром.			
	Занято промыш- лами.	Зан. дан. пром.	В дан. се- лениях.	Зан. в этих сел. пром.	В уезде зан. пром.	В дан. сел.	Зан. в дан. сел. всяк. пром.	В уезде занят. пром.
40.751	2.678	400	4,5	16,9	11,77	1	14,9	10,4
16.988	1.270	435	8,7	30,2	9,63	2,6	34,3	11,8
153	5	1	3,2	20	0,03	0,7	20	0,02
4.890	388	53	4,1	12,5	1,25	1,1	13,6	1,4
26.091	1.518	207	3,7	15,2	6,12	0,8	13,6	5,8
873	44	8	3,7	19,8	0,20	0,9	18,1	0,2
1.685	108	14	1,2	5	0,14	0,8	12,9	0,35
11.302	1.399	267	11	25,7	7,94	2,3	19	6,9
921	84	82	34,9	97,1	2,27	8,9	97,6	2,1
1.377	80	12	2,2	9	0,23	0,6	10	0,2
152	5	2	7,4	40	0,07	1,3	40	0,05
99	13	2	10	66,6	0,07	2	15,4	0,05
2.473	198	18	3	8,1	0,44	0,7	9	0,46
1.035	59	2	1	3,9	0,07	0,2	3,4	0,05
2.978	283	59	5,4	18,1	1,01	2	20,9	1,5
446	25	2	2,6	8,7	0,07	0,4	8	0,05
6.633	666	63	5,2	22,8	1,96	1,1	17,3	1,6
3.456	281	19	2,7	9,5	0,60	0,5	6,7	0,47
212	10	1	2,6	10	0,03	0,5	10	0,02
1.159	58	14	10,2	51,9	0,48	2,4	43,4	0,36
994	64	4	6,9	18,6	0,07	1,5	21,6	0,11
2.524	141	19	3,3	15,7	0,64	0,7	12	0,49
872	75	2	1,2	3	0,07	0,2	2,6	0,05
828	42	2	1,4	5,4	0,07	0,2	4,7	0,06
261	16	1	2,5	17,5	0,03	0,4	6,2	0,02
909	58	2	1,1	4	0,07	0,2	3,4	0,05
2.433	199	3	0,6	2,6	0,10	0,1	1,5	0,09
2.307	280	8	1,1	2,7	0,17	0,3	2,8	0,2
1.954	232	23	3,3	7	0,40	1,2	10	0,6
65.780	3.880	3.880	24,5	100	100	5,9	100	100

Рабочая сила в промыслах и

НАИМЕНОВАНИЕ ПРОМЫСЛА.	Число хозяйств.				Число лиц, заня- тых промыслом.			
	Обследованных,	В том числе при- мен. наемн. труд.			Всего в обсл. хоз.	Число лиц, заня- тых промыслом.		
		Всего.	Учеников.	Рабочих.		Всего.	Учеников.	Рабочих.
Столярный	594	34	31	3	804	44	40	4
Токарный	33	1	—	1	49	1	—	1
Бондарный	20	—	—	—	22	—	—	—
Бочарный	21	8	3	—	33	5	5	—
Слесарный	54	7	5	2	112	31	11	20
Кузнечный	28	12	—	12	70	30	—	30
Металлоткац.	15	—	—	—	16	—	—	—
Портновский	30	—	—	—	32	—	—	—
Сапожный	39	1	1	—	49	1	1	—
Башмачный	37	6	6	—	53	8	8	—
Трикотажный	75	5	1	4	98	6	1	5
Войлокный	27	20	—	20	67	40	—	40
Гончарный	24	—	—	—	37	—	—	—
Итого по всей группе промыслов.	997	89	47	42	1442	166	66	100

ремеслах Воскресенского уезда.

Таб. № 4.

Мужчин,	Женщин,	Варослы.	Поврстков от 16—17	Малолетних до 16, а общему числу обследованно.	К числу примен. наемн. труд.	Проц. хозяйств примен. наемн. труд.		Проц. наемых среди работающих.	Проц. к общему числу работающих.						
						Ученик.	Рабочих.								
804	—	707	60	37	6	91	9	5,5	50,5	100	—	88	7	5	
47	2	41	3	5	3	—	100	3	—	3	96	—	84	6	10
22	—	21	1	—	—	—	—	—	—	—	100	—	95	5	—
33	—	25	6	2	14	100	—	14	—	14	100	—	75	18	6
112	—	86	11	15	13	71	29	28	10,18	100	—	77	10	13	
69	1	64	5	1	41	—	100	43	—	43	99	1	91	8	1
15	1	15	1	—	—	—	—	—	—	—	94	6	94	6	—
32	—	30	2	—	—	—	—	—	—	—	100	—	94	6	—
49	—	44	3	2	3	100	—	3	3	—	100	—	90	6	4
53	—	39	10	4	16	100	—	16	16	—	100	4	75	18	7
4	94	70	15	13	7	20	80	6	1,5	4	—	72	15	13	
67	—	57	8	2	74	—	100	52	—	52	100	—	85	12	3
37	—	34	3	—	—	—	—	—	—	—	100	96	92	8	—
1344	98	1233	128	81	8,9	52,8	47,2	11,5	4,6	6,9	93	7	86	9	5

Давность работы, сезонность и рабочее время кустарей и ремесленников Воскресенского уезда.
Таб. № 5.

Название промысла.	Из числа хоз., работ. более 1 года, работают.																			
	Осенью.					Зимой.			Весной.		Летом.									
	После револ.	До револоп.	В том числе.	Беср.	Господствующем хоз., работ.	Беср.	Господствущем хоз., работ.	Беср.	Господствующем хоз., работ.	Беср.	Господствующем хоз., работ.									
Столярный	594	204	174	30	3	387	390	569	69	74	426	15	21	533	48	131	390	412	119	38
Токарный	33	9	7	2	—	24	24	32	—	3	29	—	—	32	—	2	30	21	6	5
Бондарный	20	4	3	1	2	14	16	20	—	11	9	—	3	17	19	1	—	20	—	—
Боcharный	21	7	6	1	1	13	14	20	4	2	14	3	2	15	7	7	13	6	12	2
Слесарный	54	24	18	6	3	27	30	44	8	1	35	5	1	38	2	2	40	9	24	11
Кузнецкий	28	7	6	1	—	21	21	24	—	2	22	11	1	12	—	2	22	—	15	9
Металлоткац.	15	1	1	—	14	14	14	—	—	14	—	14	—	14	—	—	14	—	—	14
Сапожный	39	11	7	4	2	26	28	39	6	24	9	10	14	15	1	—	22	16	12	24
Башмачный	37	19	12	7	1	17	18	37	8	12	17	7	6	24	3	8	26	7	26	4
Трикотажный	75	63	60	3	1	11	12	39	5	8	26	4	11	24	1	7	31	9	9	21
Войлочный	27	4	3	1	2	21	23	26	1	—	25	1	—	25	—	1	25	14	1	11
Гончарный	24	2	—	—	22	22	24	—	7	17	—	—	24	—	5	—	5	19	5	16
Итого по всем группам промысл.	967	355	299	56	15	597	612	888	101	144	643	56	59	773	74	185	626	515	252	121

Давность работы, сезонность и рабочее время кустарей и ремесленников Воскресенского уезда.
(В относительных цифрах). Таб. № 6.

Название промысла.	Из числа хоз., работ. более 1 года, работают.																			
	Осенью.					Зимой.			Весной.		Летом.									
	После револ.	До револоп.	В том числе.	Беср.	Господствующем хоз., работ.	Беср.	Господствующем хоз., работ.	Беср.	Господствующем хоз., работ.	Беср.	Господствующем хоз., работ.									
Столярный	100	34	85	15	1	99	66	100	12,1	13	74,9	2,6	3,7	93,7	8,5	23	68,1	72,4	20,9	6,7
Токарный	100	27	78	22	—	100	73	100	—	9,4	80,6	—	100	—	6,2	93,8	65,6	119	15,4	
Бондарный	100	20	75	25	13	87	80	100	—	55	45	—	15	85	95	5	—	100	—	—
Боcharный	100	33	86	14	7	93	67	100	20	10	70	15	10	75	35	65	30	60	10	10
Слесарный	100	44	75	25	10	90	56	100	18,2	2,3	79,5	11,4	2,3	86,3	4,5	4,5	81	20,4	54,5	25,1
Кузнецкий	100	25	86	14	—	100	75	100	—	8,3	91,7	45,8	4,1	51,1	—	8,3	91,7	—	62,5	37,5
Металлоткац.	100	6	100	—	—	100	94	100	—	—	100	—	—	100	—	—	100	—	—	100
Сапожный	100	28	64	36	7	93	72	100	15,4	61,6	23	25,6	36	38,4	2,6	56,4	41	30,7	61,4	7,9
Башмачный	100	51	63	37	6	94	49	100	21,6	32,4	46	19	16,2	64,8	8,1	32,4	59,5	19	59,5	21,5
Трикотажный	100	84	95	5	8	92	16	10	13	20,5	66,5	10,2	28,2	61,6	2,6	18	79,4	23	54	—
Войлочный	100	15	75	25	9	91	85	100	4	—	96	4	—	26	4	96	63,8	4	42,2	—
Гончарный	100	8	100	—	—	100	92	100	—	—	28,1	70,9	—	100	—	—	20,9	79,1	0,9	66,6
Итого по всем группам промысл.	100	36,7	84,2	15,8	2,4	97,6	63,3	100	11,3	16,2	72,5	6,3	6,6	87,1	8,3	21,1	70,6	58	28,4	13,6

Продолж. табл. № 5.

(В абсолютных цифрах)

Название промышлен.	ОСЕНЬЮ.						ЗИМОЙ.						ВЕСНОЙ.						ЛЕТОМ.													
	9	8	7	6	5	4	9	8	7	6	5	4	9	8	7	6	5	4	9	8	7	6	5	4	9	8	7	6	5	4		
Столярный	6	48	128	172	146	9	61	159	160	165	8	51	149	155	158	2	16	58	44	37	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Токарный	—	—	24	8	—	1	—	24	2	5	1	—	24	2	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бондарный	—	—	11	1	8	—	12	7	1	—	1	—	8	5	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Боcharный	—	—	—	1	23	8	4	—	8	2	7	—	2	24	9	7	—	2	20	7	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Слесарный	—	—	19	5	—	13	—	12	1	—	1	13	—	15	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Кузнецкий	—	—	2	12	16	2	1	1	19	9	—	—	1	12	23	1	1	9	16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Металлоткацкий	—	—	5	11	8	5	—	5	13	7	—	—	1	12	4	14	11	5	—	6	11	8	5	—	—	—	—	—	—	—	—	
Сапожный	—	—	1	3	8	12	10	2	3	8	11	5	2	3	*8	10	15	—	—	7	10	13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Башмачный	—	—	—	—	—	12	13	—	—	—	12	11	—	—	13	13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Трикотажный	—	—	—	1	20	3	—	—	—	—	1	20	3	—	—	1	20	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Войлочный	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Гончарный	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Итого по всей группе промысл.	9	100	245	247	186	13	115	272	221	211	12	89	230	222	211	3	48	150	101	71	—											

Продолж. табл. № 6.

(В относительных цифрах).

Название промышлен.	ОСЕНЬЮ.						ЗИМОЙ.						ВЕСНОЙ.						ЛЕТОМ.													
	9	8	7	6	5	4	9	8	7	6	5	4	9	8	7	6	5	4	9	8	7	6	5	4	9	8	7	6	5	4		
Столярный	1,2	9,6	25,6	34,4	29,2	1,6	11	28,7	23,9	29,8	1,5	9,8	28,6	29,8	30,3	1,3	10,2	36,9	28	23,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Токарный	—	—	7,5	25	—	2,1	—	7,5	6,2	15,7	3,1	—	7,5	6,2	15,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Бондарный	—	—	55	5	40	—	60	35	5	—	—	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Боcharный	—	—	—	50	6,3	43,7	—	—	47	12	41	—	—	40	25	35	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Слесарный	—	—	2,5	67,5	20	10	—	5,1	56,4	25,6	12,9	—	4,7	57,2	21,4	16,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Кузнецкий	—	—	79,2	20,8	—	—	—	92,3	7,7	—	—	—	62,5	37,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Металлоткацкий	—	—	7,1	92,9	—	—	—	7,1	92,9	—	—	—	2,6	31,5	60,7	2,6	2,6	4	33,3	58,7	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Сапожный	6	36,4	48,6	6	3	—	3,5	65	31,5	—	—	—	11,7	41,4	32,4	14,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Башмачный	—	—	17,2	38	27,6	17,2	—	1,7	43	23	17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Трикотажный	2,9	9	23,5	36	28,6	5,7	8,7	22,8	31,4	31,4	5,2	8,5	20,8	6	39,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Войлочный	—	—	—	48	52	—	—	48	52	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Гончарный	—	—	4,1	83,6	12,3	—	—	4,1	84,6	12,3	—	—	—	4,1	83,6	12,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Итого по всей группе промысл.	1,1	12,7	31,1	31,4	23,7	1,5	13,8	32,7	26,6	25,4	1,4	10,9	34,4	27,2	26,1	0,8	12,8	40,2	27,	19,2	—											

— XVII —

— XVIII —

Оценка мастерской и инструмента кустарей

ПРОМЫСЛА.	Число обслед. хоз.	ЧИСЛО ХОЗЯЙ							
		Работаюш. в помеш.		Употребл. механ.	Неупотребл. механ.	Оценивающих мастерск., в сумме.			
		Жилом.	Спец.			До 100 р.	101—500	501—1500.	
	1	2	3	4	5	6	7	8	
Столярный	594	559	35	—	594	4	28	8	
Токарный	33	26	7	29	4	3	4	—	
Бондарный	20	20	—	—	20	—	—	—	
Бочарный	21	20	1	—	21	1	—	—	
Слесарный	54	84	20	41	13	16	4	1	
Кузнечный	28	—	28	—	28	19	9	—	
Металлоткацкий	15	15	—	15	—	—	—	—	
Портновский	30	27	3	30	—	—	2	1	
Сапожный	39	87	2	—	39	1	—	1	
Башмачный	37	35	2	—	37	—	—	2	
Трикотажный	75	75	—	75	—	—	—	—	
Войлочный	27	—	27	—	27	—	3	24	
Гончарный	24	5	19	24	—	5	14	—	
Итого по всей группе	997	858	144	214	783	49	64	31	

— XIX —

и ремесленников Воскресенского уезда

Таб. № 7.

С Т В.	% Х О З Я Й С Т Е.													
	Оценивающих инструмент.				Работ, в помеш.	Употребл. механ.	Неупотребл. механ.	Оценивающих мастерским в сумме.			Оценивающих инструмент.			
	До 25 р.	26—100.	101—500.	Св. 500.				До 25 р.	26—100.	101—500.	Св. 500.			
9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
452	142	—	94	6	—	100	11	80	9	—	76	24	—	—
26	7	—	79	21	88	12	43	57	—	—	80	20	—	—
—	—	—	100	—	—	100	—	—	—	—	100	—	—	—
20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	—
—	—	—	95	5	—	100	100	—	—	—	—	100	—	—
21	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	—
—	—	—	63	37	76	24	80	20	—	—	44	22	34	—
24	12	18	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5	—	22	1	—	100	—	100	68	82	—	18	—	80	2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	—
15*)	—	—	100	—	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6	24	—	90	10	100	—	—	67	33	—	20	80	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
38	1	—	95	5	—	100	50	—	—	—	97	3	—	—
—	—	—	95	5	—	100	—	—	100	—	97	3	—	—
36	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	75	—	100	—	100	—	—	—	—	—	—	100	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
27	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
24	—	—	—	21	79	100	—	26	74	—	100	—	—	—
56	638	284	19	85	15	21	79	34	44	22	5	64	29	2

*) Не считая берд, которые выдаются заказчиком и стоят на каждые до 100 р.

„ №№ по порядку.

Характеристика сельского хозяйства кустарей и ремесленников Воскресенского уезда.

Кооперирование кустарей и ремесленников

Воскресенского уезда

Tab. № 9

Название промысла.	Число хозяйств.		%	Число артелей.
	Занятых пром.	в том числе кооперир.		
Столярный	759	192	25	5
Слесарный	101	5	5	1
Металлоткацкий	63	44	70	2
Сапожный	348	48	14	5
Башмачный	285	66	23	3
Портновский	181	87	48	5
Чулочный	235	156	66	5
Войлоковый	67	10	15	1
Рыболовный	12	12	100	1
Лакировочный	81	9	11	1
Всего по уезду.	2959	680	23	29

Выработка, затраты и заработок кустаря и ремесленника в денежной оценке (в рублях).

Таб. № 10.

Название промысла.	Число лиц занят., пром.	За 1 год по каждому промыслу***)						За 1 год одним кустарем.		
		Выработка-но.	Затрачено.			Получено чистого заработка, %.	Выработано, чено.	Затрачено, чено.	Зарабо-таво.	
			Всего.	На сырье.	Проч					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1 Столлярный	949	742	261.449	118.373	100.013	18.360	143.076	352.36	159.53	192.83
2 Токарный	46	44	26.951	4.528	3.852	676	22.423	612.52	104.91	509.61
3 Бондарный	60	22	8.342	570	570	—	7.772	379.18	25.90	353.78
4 Бочарный	28	28	9.219	519	440	79	8.700	329.25	18.53	310.72
5 Слесарный	154	78	66.479	28.259	26.588	1.671	38.220	852.29	362.29	490
6 Кузнецкий	57	39.491	21.531	18.745	2.786	17.960	692.82	377.74	315.08	
7 Металлоткацкий	63	15	11.950****)	—	—	—	11.950	796.66	—	796.66
8 Портновский	233	30	6.895,****)	2.402	2.402	4.494	229.84	80.06	149.78	
9 Сапожный	401	49	23.242	15.452	14.575	877	7.790	474.32	315.34	158.98
10 Башмачный	430	48	39.673	27.857	26.883	968	11.816	826.52	580.35	246.17
11 Трикотажн.	116	55	79.573	54.145	53.080	1.065	25.429	1.444.79	984.45	462.34
12 Войлокочный	71	65	85.316	55.239	54.985	254	30.077	1.312.55	849.83	462.72
13 Гончарный	59	37	21.660	5.913	5.841	72	15.747	585.40	159.81	425.59
По всем промыслам.	2.844	1.270	680.240	334.788	305.578	29.210	345.454	535.62	263.61	272.01

*) В разработку вошли лишь лица работающие более 1 года.

**) Работают исключительно из сырья дакацаика, цена не установлена в виду разнообразия материала.

****) Суммы даны по указанию кустарей за 1924—1925 год (с июля по июль).

Продолжение таб. № 10

Название про- мысла.	Число проработано- тан. нед.	В средн. в 1 нед. 1 кустарь.			Выработано.			1 кустарем за 1 год.			Заработано.		
		Выработано-	Затра- чиваят.	Зарабо- тывает.	Min.	Max.	Средн.	Min.	Max.	Средн.	Min.	Max.	Средн.
					12	13	14	15	16	17	18	19	20
1	Столярный	18.077	14.46	6.55	7.91	50	2.400	352.36	31.90	1.034	192.83		
2	Токарный	1.300	20.73	3.48	17.25	45	1.620	612.52	45	1.485	509.51		
3	Бондарный	263	31.71	2.16	29.55	60	750	379.18	42	690	353.28		
4	Бочарный	800	11.52	0.65	10.87	30	528	329.25	20	506	310.72		
5	Слесарный	2.446	27.18	11.55	15.13	20	4.000	852.29	14.30	1.524	490		
6	Кузнецкий	1.521	25.96	14.16	11.80	221	1.450	692.82	115.50	680.50	315.08		
7	Металлоткацкий	626	19.10	—	19.10	450	1.000	796.66	450	1.000	796.66		
8	Портновский	394	17.50	6.09	11.41	20	515	229.84	19	322.60	149.78		
9	Сапожный	800	29.04	19.31	9.73	53	2.490	474.32	13	450	158.98		
10	Башмачный	979	40.53	28.44	12.09	55	1.500	826.52	13.55	442	246.17		
11	Трикотажный	1.369	58.12	39.55	18.57	90	4.200	1.446.79	27	1.500	462.34		
12	Войлокочный	2.375	35.92	23.26	12.66	140	2.350	1.312.50	52.50	1.428	462.70		
13	Гончарный	1.064	20.35	5.55	14.80	420	1.020	585.40	310	745	425.59		
Всего указан. промыслов.	32.014	21.25	10.45	10.80	20	4.200	535.62	13	1.524	272.01			

— XXII —

— XXIII —